

СВЕТЛАНА ПРОЗДОВА

ДИНОЗАВРЫ КОММУНИСТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Дроздова

Динозавры - коммунисты

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Динозавры - коммунисты / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

В недрах умирающей планеты, на глубине десяти километров, существует Улей — идеальный коммунистический мир разумных динозавров. Здесь нет личностей, есть только «Индексы». Здесь нет эмоций, есть только «Хорал Благодарности». Здесь нет смерти, есть лишь «Синхронизация» — растворение в Коллективном Разуме Праматери, которая питает туннели жаром земного ядра. Рекс-734 — Археотектоник, элитный слушатель камня. Он — ошибка системы, вирус, способный чувствовать аномалии. Когда сквозь толщу базальта до него доносится ритмичный стук «Тук-тук», Рекс понимает страшное: их подземный Рай — ложь. Поверхность не выжжена, там живут «Голые Обезьяны», и они уже здесь — корпорация «TerraCogn» бурит мантию, подключив Улья к своим реакторам. Сбежав от инквизиции своего мира, Рекс вырывается на Поверхность, ожидая увидеть Геенну, но находит Мегполис — капиталистический ад, где люди продают свои органы за право дышать воздухом, принадлежащим корпорациям.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Динозавры - коммунисты

Глава 1. Геенна под ногами

****Эпиграф:**** *«Поверхность — это раскаленная печь, где жидкий камень пожирает свет. Там нет жизни. Там нет времени. Там только Геенна». — Из Катехизиса Улья, Стих 4.*

Рекс-734 ненавидел тишину. В Улье не было тишины. Была лишь пустота между ударами Великого Сердца — ритмичный, уходящий в инфразвук гул тектонических плит, который Археотектоники воспринимали не ушами, а чешуйками на затылке. Этот гул был законом. Он был догмой. Он был самой сутью их существования.

Рекс стоял на подвесной платформе из армированного хитина, зависшей в сорока метрах над полом Главного Ствола сектора «Мезозой-9». Внизу, в бесконечном базальтовом колодце, двигалось единое целое. Десятки тысяч рептилоидных тел, покрытых матовой, поглощающей свет чешуей, двигались в абсолютной синхронизации. Вверх по левым пандусам текла река рабочих индексов с пустыми резонаторами, вниз по правым — текла река индексов с резонаторами, наполненными пульпой из перемолотой породы. Ни криков, ни разговоров. Только шорох миллионов лап по черному стеклу отполированного камня и мерный лязг механизмов.

Улей был совершенен. Миллионы лет изоляции, эволюции и жесточайшей социальной инженерии выковали из хищных ящеров идеальную коммунистическую ячейку. Здесь не было «я». Был только «индекс». Рекс-734 не знал, сколько ему лет — учет времени был признан неэффективным еще в Эпоху Слияния. Он не знал, есть ли у него семья — понятие личного потомства было стерто вместе с именами. Он был Рексом-734, Археотектоником Первого Ранга, нейронным узлом в Великом Разуме, чья единственная функция — слушать камень.

Он прижал висок к холодной стене туннеля. Резонатор в его руках — изящный прибор из цельного монокристалла кварца, похожий на музыкальный инструмент неведомой расы — завибрировал. Рекс закрыл основные веки, позволяя прозрачной мигательной перепонке защитить глаза от случайной пыли, и открыл разум.

Планета пела. Это была сложная симфония. Вот низкий, утробный бас — столкновение континентальных плит в секторе «Пангея-4». Вот высокое, комариное пение — работа буровых установок на ярусе «Мантия-12», в десяти километрах под ним. А вот ровный, успокаивающий пульс — сердцебиение Геотермального Источника, питающего Улей энергией.

Рекс был одним из немногих, кто мог различать эти голоса. Большинство индексов просто транслировали общий фон в Единый Разум. Рекс же был солистом. Он искал аномалии. Микротрещины, которые могли обрушить целые ярусы. Каверны, полые пузыри в теле планеты, угрожающие взрывом перегретого пара. За триста циклов работы он спас Улей от обрушения трижды. Его ценили. Его нейронные связи считались эталонно чистыми.

Но сегодня симфония дала сбой.

Это случилось на 14-й минуте его фазы. В ровный ритм Великого Сердца врезалась игла. Высокочастотная, острая, ритмичная вибрация. Она не принадлежала планете. Планета не умеет вибрировать с частотой 74 герца. И она повторялась. Ровно каждые 14,2 секунды. *Тук. Пауза. Тук. Пауза.*

Рекс отдернул голову от стены, словно обжегшись. Его гребень из костяных пластин произвольно приподнялся — атавистический признак тревоги, который в идеальном обществе считался вульгарной дисфункцией.

Он переключил резонатор в режим эхолокации. Прибор тихо загудел, посылая в базальт невидимый импульс. Стена перед ним на мгновение потеряла плотность, став полупрозрачной серой массой. Рекс взгляделся в структуру камня.

На глубине четырехсот метров выше его платформы, там, где по картам Улья должен был находиться монолитный, неразрабатываемый панцирь древней коры, висела чужеродная структура.

Это не была каверна. Это не был пузырь газа. Это был металл. Идеально ровный, геометрически правильный прямоугольник, выросший в камень. Рекс видел его грани. Они не оплавившись от миллионов лет жара. Они резали базальт, как скальпель режет плоть.

Холод пробежал по позвоночнику Рекса. Это была Ересь.

Катехизис Улья, Стих 1, гласил: *«Мы — дети Камня. Поверхность — это Геенна. Там нет ничего, кроме смерти»*. Миллионы лет назад их предки, спасаясь от Великого Выжega, запечатали выходы наверх километрами литосферы. Любой, кто смотрел в вентиляционные шахты, ведущие вверх, подвергался принудительной Синхронизации. Поверхность была мифом, страшилкой для молодых индексов, аналогом Ада в религиях голых обезьян, о которых Рекс читал в запрещенных архивах Палео-сектора.

Но металл наверху не был мифом. Металл создавали руки. Или что-то, что их заменяло.

Рекс перевел резонатор в режим аудиodeкодирования. Он прижал чувствительную мембрану прибора к точке прямо над металлической плитой.

Тук. Пауза. Тук. Пауза.

Звук был не просто механическим. В нем была структура. Рекс-734 обладал мозгом, который древние люди назвали бы гениальным. Его способность к анализу паттернов была аномалией, побочным эффектом его дара Архeотектоника. И сейчас этот мозг кричал об опасности.

Это не бинарный код Улья. Их данные передавались пакетами, модулированными по частоте сердечных сокращений. Этот же сигнал... Рекс выделил волну. Она была инвертирована. Там, где логика Улья использовала пик (наличие сигнала) как «Да», этот сигнал использовал провал.

Он начал строить матрицу перевода. Это было похоже на разгадывание древней головоломки. Спустя сорок секунд ритмичного «Тук-тук» он получил первую осмысленную последовательность.

Это был обрывок. Деградировавший за миллионы лет прохождения сквозь скалу, искаженный электромагнитными полями ядра, но все еще узнаваемый. Это была... речь. Вернее, ее цифровой суррогат.

Рекс вывел транскрипцию на визор своего забрала. Строка символов выглядела как бред перегревшегося процессора:

`B\_U\_Y\_\_O\_N\_E\_\_G\_E\_T\_\_O\_N\_E\_\_F\_R\_E\_E`

Он не знал этих букв. Алфавит Улья состоял из фрактальных узоров, описывающих геометрию туннелей. Но он знал концепцию.

Один. Второй. Обмен. Прибавление без затраты ресурса.

В идеологии Улья, где каждый грамм энергии был на счету, а любое накопление сверх нормы считалось кражей у Коллектива, эта фраза звучала как математическое безумие. Это была формула раковой опухоли.

Рекс почувствовал, как по его горлу проходит сухой, судорожный глоток. Воздух в туннеле, всегда свежий и ионизированный, вдруг показался ему затхлым.

— Индекс 734.

Голос ударил его по барабанным перепонкам, как отбойный молоток. Он не вибрировал. Он был плоским, лишенным обертонов, идеально ровным.

Рекс резко обернулся.

Тиранна висела в метре от его платформы. Стратег обороны Улья не пользовалась лестницами. Ее гравитационная платформа — черный диск, питаемый напрямую от Источника — издавала лишь едва слышный свист. Тиранна была крупнее Рекса. Ее чешуя была не матовой, а полированной до цвета вороненой стали, покрытая сетью шрамов, которые она отказалась регенерировать — как напоминание о «врагах эффективности». У нее не было резонатора. Ее оружием был встроенный в предплечье дезинтегратор.

— Твоя фаза отстает на 0,02 секунды, — произнесла Тиранна. Ее глаза, лишенные зрачков и светящиеся тусклым янтарем, сканировали лицо Рекса. — В твоём ядре перегрев? Твоя мигательная перепонка дергается с частотой 4 герца. Это не соответствует норме.

Рекс судорожно прижал резонатор к груди, пытаясь скрыть показания прибора. Его гребень все еще стоял дыбом, и он ничего не мог с этим поделать.

— Геенна плотна сегодня, Стратег, — выдавил он, стараясь модулировать голос в соответствии с Хоралом Спокойствия. — Базальт сопротивляется. В секторе «Мезозой-9» зафиксирована микролокальная турбулентность. Я калибрую прибор.

Это была ложь. Ложь в Улье была теоретически невозможна, так как Единый Разум считывал нейронную активность. Но существовали «слепые зоны». Минуты, когда нагрузка на общую сеть превышала пропускную способность, и индивидуальные мысли тонули в шуме. Сейчас был как раз такой момент — началась пересменка на ярусе «Магма-2», и тысячи буров одновременно вышли на пиковую мощность.

Тиранна зависла неподвижно. Ее платформа не покачивалась. Она протянула свою четырехпалую, покрытую мозолями руку.

— Дай резонатор.

Сердце Рекса, имевшее три камеры, пропустило удар. Если она коснется прибора, она почувствует остаточную вибрацию металла. Она увидит логи.

— Я не могу прервать калибровку, Стратег, — быстро сказал Рекс, делая шаг назад. Платформа опасно качнулась. — Нарушение протокола «Чистого Резонанса» карается понижением ранга. Мои данные нужны для утреннего отчета Коллектива.

Тиранна прищурилась. Для нее это звучало как идеальная лояльность. Но ее сканеры, встроенные в ладони, уже прощупывали электромагнитный фон вокруг Рекса.

— Ты лжешь, Индекс 734, — спокойно констатировала она. — Твой электромагнитный фон зашумлен. Ты используешь личный инфо-кристалл в рабочее время. Это нерационально. Это вирус.

Слово «вирус» в Улье означало не болезнь. Оно означало индивидуализм. Свободу воли. Желание отделить свой разум от Великого. Это было единственное преступление, за которое не отправляли на Синхронизацию. За это просто разбирали на биоматериал прямо в туннеле.

— Я... я анализировал гармоники, — пролепетал Рекс, отступая к краю платформы. Внизу, в сорока метрах, ждала смерть от удара о базальт. — Искал источник турбулентности...

— Источник турбулентности — это ты, — перебила Тиранна. Она подняла руку с дезинтегратором. Настройки были на минимуме — «Оглушение». — Спускайся. Твоя смена окончена. Ты идешь в Палату Единения. Твоя нейросеть будет просканирована. Если в твоём ядре вирус, ты станешь питательным гелем для выводка «Мезозоя-10». Это рационально.

Она была абсолютно права. С точки зрения Улья, это был единственный логичный выход. Рекс посмотрел на резонатор, потом на металлический прямоугольник в четырехстах метрах над головой.

Он прыгнул.

Это не было актом героизма. Это был сбой инстинкта самосохранения. Его тело, созданное для лазания по скалам, оттолкнулось от края платформы. Он не упал вниз. Он прыгнул *вбок*, вцепляясь когтистыми пальцами в стыки базальтовых блоков стены шахты.

Удар выбил воздух из легких. Когти скрежетнули по камню, сдирая чешую. Но он удержался. Он висел на отвесной стене, как ящерица, в сорока метрах над полом и в тридцати пяти от спасительного пандуса.

— Индекс 734! — голос Тиранны оставался ровным, но в нем прорезалась частота, означающая «Критическая ошибка системы». — Прекрати нерациональное поведение. Ты упадешь.

Рекс не ответил. Он подтянулся, забросил тело в вентиляционную щель — узкую нору, предназначенную для циркуляции воздуха, а не для прохода существ весом в сто килограммов. Он пополз наверх, во тьму, прочь от янтарных глаз Стратега.

Он полз по кишкам планеты, зная, что нарушает главную заповедь. Он двигался к Поверхности.

Вентиляционная шахта сужалась. Рекс сдирал чешую с боков, протискиваясь между горячими трубами, по которым гнался перегретый пар. Его легкие горели. В Улье не было спорта, не было тренировок на выносливость — тело индекса всегда работало в экономном режиме. Сейчас Рекс сжигал себя.

Он полз на звук. На ритмичное *«Тук-тук»*. Теперь, когда он поднялся выше, вибрация стала сильнее. К ней добавился новый звук. Едва уловимый, высокочастотный писк. Электричество.

Рекс выбил решетку плечом и вывалился в технический коридор яруса «Кора-1». Здесь не было идеального порядка нижних уровней. Стены были покрыты потеками конденсата. В воздухе пахло озоном и... чем-то еще. Сладковатым, химическим запахом разложения.

Коридор был пуст. Рекс сорвал с пояса свой личный инфо-кристалл — устройство размером с кулак, которое он модифицировал сам, в обход чертежей Коллектива, чтобы записывать музыку тектонических разломов. Это тоже была Ересь, но безобидная. До сегодняшнего дня.

Он присел у стыка двух труб. Выглянул в главный ствол яруса. Внизу, под ним, уже сновали патрули. Черные силуэты Тиранны и ее карательного отряда скользили по пандусам с бесшумной грацией хищников. Они искали его.

Рекс активировал кристалл. Он подключил к нему щуп резонатора.

— Запись, — прошипел он. — Чистый сигнал. Фильтрация фонового шума Улья.

Кристалл тихо загудел, поглощая вибрацию из стен. Рекс закрыл глаза, полностью слившись с прибором. Он больше не был Рексом-734, Археотектоником. Он был антенной.

Он поймал «Тук-тук». Он пропустил его через дешифраторы кристалла. Он очистил его от налета базальта.

Сигнал изменился. Ритм остался, но внутри него появилась мелодия.

«Плоть-один. Плоть-два. Обмен. Власть».

Рекс открыл глаза. Его трясло. Не от страха перед Тиранной. От холода абсолютного, космического непонимания.

Он вывел визуализацию на линзу забрала. Из хаоса бинарного шума кристалл собрал изображение.

Это была пиктограмма. Геометрически безупречная. Пирамида. И в центре нее — глаз. Глаз смотрел прямо на Рекса. Он не моргал. Он просто излучал ровный, зеленый свет.

В базе данных Палео-сектора, куда Рекс заглядывал тайком, были изображения голых обезьян. Маленьких, теплокровных, покрытых шерстью лишь на голове. Эти обезьяны поклонялись символам. Они строили пирамиды.

Рекс смотрел на зеленую пирамиду на своем визоре. Он чувствовал, как его идеальная, коммунистическая прошивка трещит по швам.

«Плоть-один. Плоть-два».

Это была не просто фраза. Это была молитва. Молитва чему-то, что пожирает ресурсы. В Улье, если у тебя было две порции питательного геля, ты отдавал одну тому, у кого нет. Здесь же... здесь предлагали вторую *бесплатно*. Это было извращенное, чудовищное искажение щедрости. Это был крючок.

Внезапно вибрация изменилась.

Рекс замер. *«Тук-тук»* прекратилось. Вместо него пришел звук, от которого задрожали трубы под его ногами.

Тяжелый, ритмичный, металлический лязг. *БАМ. БАМ. БАМ.*

Кто-то бил в крышу их мира. Сверху. С невероятной, механической силой. Кто-то пытался пробить базальт.

Звук шел прямо оттуда, где висел металлический прямоугольник.

Они не просто посылали сигналы. Они пришли.

Рекс сжал кристалл так, что тот затрещал. Он посмотрел на вентиляционную шахту, ведущую еще выше, к запечатанным шлюзам Поверхности.

Тиранна была права в одном. Наверху была Геенна. Но, судя по лязгу металла и молитве о плоти, Геенна спустилась за ними.

Палата Единения пахла озоном и антисептиком. Это было огромное помещение под куполом из чистого кварца, через который — теоретически — можно было увидеть звезды. Но купол был покрашен изнутри черной краской миллионы лет назад.

Рекс стоял в очереди.

Он не сбежал. После того как он услышал лязг, первобытный ужас взял верх над научным любопытством. Если там, наверху, враги, Улей должен знать. Но как сказать об этом Стратегам, если сам факт знания о Поверхности — Ересь? Его бы уничтожили раньше, чем он открыл бы рот.

Единственный шанс спасти Коллектив — пройти Синхронизацию. Отдать свой разум полностью. Растворить свою личность в Великом Разуме. Тогда Единый Разум сам увидит то, что видел Рекс. Увидит металл. Услышит молитву о плоти. И примет решение.

Это было логично. Это было правильно. Это было ужасно.

Очередь двигалась быстро. Динозавры заходили в стеклянные капсулы, похожие на саркофаги. Ложились в густой, теплый гель. Крышка закрывалась. Через пять минут капсула открывалась, и из нее выходил другой индекс. Его движения были чуть более плавными. Его глаза чуть более пустыми. Он улыбался — редчайшая мимическая реакция, доступная только после Слияния. Улыбка блаженного идиота.

— Индекс 734, — произнес голос из динамиков под потолком.

Рекс шагнул к своей капсуле. Она была под номером 734. Конечно. В Улье не было случайностей.

Он посмотрел на свои руки. На когти, сбитые в кровь о базальт. На чешую, висящую лохмотьями на боках. Он чувствовал боль. Боль была доказательством того, что он все еще существует. Что он — Рекс, а не просто цифра.

Он посмотрел на прозрачную трубку, идущую от края капсулы к потолку. По ней текла светящаяся субстанция — нейропроводящий гель, который соединит его спинной мозг с Единым Разумом. Как только гель коснется его нервного узла, Рекс-734 перестанет существовать. Останется только ячейка памяти.

Он знал, что кристалл в его защечном мешке — маленький, теплый, пульсирующий чужеродным ритмом — будет обнаружен сканерами капсулы. Его извлекут. Его уничтожат. Доказательство того, что наверху кто-то есть, исчезнет. Улей продолжит спать в своей уютной могиле, пока те, наверху, не прорубят потолок.

Рекс взялся за край капсулы. Гель внутри лениво колыхнулся, похожий на жидкое золото. Он пах сладко. Он обещал покой. Никаких больше страхов. Никаких аномалий. Только хорошее пение и ритм Великого Сердца.

— Индекс 734, займите ячейку, — повторил динамик. В голосе появилась механическая настойчивость.

Рекс занес ногу над бортиком. Его сердце стучало с частотой паники. Он чувствовал, как в затылке покалывает — это активировались нейро-зажимы капсулы, готовясь считать его страх.

Он посмотрел на свои пальцы, сжимающие сталь.

И услышал новый звук.

Он шел не сверху. Он шел снизу. С яруса «Мантия-12».

Это был не лязг. Это был скрежет. Высокий, пронзительный визг металла о камень.

Кто-то наверху не просто бил в крышу. Они использовали звуковые буры. Частота звука была подобрана так, чтобы резонировать с базальтом, превращая его в пыль.

Они уже прошли первые сто метров породы.

Рекс отдернул ногу от капсулы. Гель разочарованно вздохнул.

— Зафиксирована нерешительность, — сообщил динамик. — Индекс 734, ваше сопротивление снижает КПД Палаты на 0,4%. Это нерационально.

Рекс медленно обернулся. Он посмотрел на ряды капсул. На сотни индексов, стоящих в очереди и смотрящих в пустоту с блаженными улыбками. На Тиранну, которая стояла у пульта управления, скрестив руки на груди. Она не смотрела на него. Она смотрела на таймер на стене.

Таймер отсчитывал время до Большой Синхронизации — раз в месяц весь Улей сливался в единый разум для глобальной чистки данных. До нее оставалось сорок минут.

Если Рекс ляжет в капсулу сейчас, его информация о Поверхности утонет в гигабайтах бытовых данных Улья. Коллектив сотрет ее как «нейронный шум».

Если он не ляжет в капсулу, Тиранна дезинтегрирует его через десять секунд.

Рекс сделал шаг назад, подальше от капсулы. Он вытащил из защечного мешка инфокристалл. Он сжал его в кулаке, чувствуя, как острые грани впиваются в ладонь.

— Индекс 734, — голос Тиранны прозвучал не из динамиков, а от пульта. Она наконец повернула к нему голову. — Твое поведение деструктивно. Ты заразен.

Она подняла руку с дезинтегратором.

Рекс посмотрел на таймер. Тридцать девять минут.

Он посмотрел на кварцевый купол над головой. Черная краска местами облупилась от времени.

Рекс разбежался. Он не бежал к выходу. В Палате не было выходов, кроме капсул. Он бежал к стене. К тому самому кварцевому куполу.

— Стоп-протокол! — крикнула Тиранна, но было поздно.

Рекс-734, Археотектоник, идеалист и еретик, врезался в купол плечом.

Стекло, не знавшее ударов миллионы лет, издало звук лопающейся струны. Оно не разлетелось на осколки — оно покрылось сетью трещин, похожей на чертежи туннелей Улья.

Рекс ударил еще раз.

Кварц поддался.

В Палату Единения ворвался ветер.

Это был не спертый, регенерированный воздух туннелей. Это был ветер Поверхности. Он пах гарью, озоном и чем-то нестерпимо сладким, как запах гниющих фруктов.

В дыру размером с голову Рекса заглянуло небо.

Оно не было красным от лавы, как гласил Катехизис. Оно было серым. Тяжелым, затянутым смогом. И по нему, медленно и величаво, проплывал гигантский объект.

Он был в десятки раз больше любого туннеля Улья. Он был сделан из блестящего металла. На его боку, освещенная тусклым солнцем, горела гигантская зеленая надпись.

Рекс не знал букв, но он узнал символ.

Пирамида с глазом.

А под ней, буквами размером с жилой блок, было выведено то самое слово, которое его кристалл перевел как «Плоть-один».

****TERRACORP.****

Ветер из дыры ударил Рексу в лицо, швырнув в рот пыль Поверхности. Он закашлялся, упал на колени, но продолжал смотреть вверх.

Тиранна выстрелила.

Луч дезинтегратора прошел в миллиметре от головы Рекса, испарив край дыры в куполе.

Но Рекс-734 уже не был Археотектоником.

Он был первым, кто увидел врага.

И враг уже начал спуск. С борта гигантского корабля отделились черные точки. Они падали вниз, к куполу Палаты Единения, оставляя за собой инверсионные следы.

Рекс улыбнулся. Впервые в жизни его мимические мышцы сложились в гримасу, которую древние люди называли бы оскалом.

Идеальное общество закончилось. Начиналась классовая борьба.

Глава 2. Архив Катастрофы

****Эпиграф:**** *«Мы выжили не для того, чтобы помнить. Мы выжили для того, чтобы строить. Память — это ржавчина на шестернях Коллектива». — Из Манифеста Праматери, Стих 0.*

Воздух внизу был другим. Рекс-734 понял это не носом — обоняние Археотектоника было атрофировано за ненадобностью в стерильных туннелях Улья, — а чешуйками на затылке. Великое Сердце планеты билось здесь иначе. Наверху, в секторах «Мезозоя», где трудились миллионы индексов, пульс планеты был ровным, мощным, синхронизированным с ритмом буровых установок. Это была музыка созидания. Здесь, на ярусе «Мезозой-Минус-Один», пульсация превратилась в аритмию. Камень стонал. Он помнил боль.

Рекс не спускался по пандусам. Это было бы самоубийством: гравитационные платформы карательного отряда Тиранны уже прочесывали верхние уровни, и любой индекс, движущийся вниз без производственной необходимости, был бы мгновенно изолирован. Рекс полз по техническим шахтам, предназначенным для сброса отработанной пульпы. Узкие, покрытые скользким налетом химических полимеров трубы сжимали его тело. Его идеальный, эволюционно выверенный метаболизм хищника сейчас работал против него: мышцы требовали кислорода, а легкие горели от испарений тяжелых металлов.

Он был грязен. Эта мысль билась в его сознании так же навязчиво, как высокочастотный сигнал, приведший его сюда. В Улье не было грязи. Была лишь «нераспределенная порода». Но сейчас Рекс был покрыт ею с головы до кончика хвоста. Его матовая, поглощающая свет чешуя приобрела тусклый, маслянистый блеск. Когти, созданные для точного обстукивания базальта, были сбиты в кровь о скрытые в слизи арматурные штыри. Боль была физической, реальной, и именно она доказывала Рексу, что он все еще существует как отдельная единица, а не как нейронный узел Великого Разума.

Вентиляционная решетка, преградившая путь, поддалась с третьего удара. Рекс вывалился в коридор, который не значился ни на одной из карт Коллектива.

Здесь не было идеального порядка. Стены не были отполированы до зеркального блеска миллиардами шагов. Они были бугристыми, покрытыми натеками застывшей породы, сквозь которые проступала ржавая арматура Предков. Под потолком змеились кабели, с которых свисали лохмотья изоляции, похожие на старую кожу. В воздухе стоял густой, сладковатый запах тлена, смешанный с озоном. Рекс активировал резонатор, переводя его в режим пассивного приема.

Тишина.

В Улье не было тишины. Даже в фазах отдыха всегда присутствовал фоновый гул Великого Сердца, передаваемый через подошвы. Здесь же царил абсолютный вакуум звука. Камень молчал. Он был мертв.

Рекс шел вперед, и его шаги — звук, который он сам считал нерациональным шумом, — отдавались от стен глухим, плоским эхом. Коридор привел его в огромный грот. Свод пещеры поддерживали колонны, но они не были творением природы. Это были гигантские цилиндры из темного, незнакомого металла, испещренные угловатыми символами, которые не имели ничего общего с фрактальной геометрией Улья.

И вдоль стен, в нишах, застыли они.

Рекс подошел к ближайшей капсуле. Она была сделана из мутного, пожелтевшего от времени материала, похожего на застывший янтарь. Внутри, в густой, высохшей жидкости, висел теропод.

Рекс прижался лицом к стеклу, счищая слизь рукавом. Существо внутри было... неправильным. Его череп был массивнее, челюсти мощнее, а передние лапы — ошеломляющий атавизм — были длинными, с развитыми хватательными пальцами. На локтях и коленях ящера росли пучки тонких, окаменевших нитей. Перья.

Древние, запрещенные тексты Палео-сектора называли их «Архивариусами». Легенды гласили, что это были первые из Коллектива, те, кто запечатал выходы на Поверхность. Но легенды всегда изображали их идеальными, подобными нынешним индексам. Этот же выглядел как хищник. Как зверь, запертый в клетку.

На шее Архивариуса, прямо под затылочным гребнем, виднелся массивный металлический обруч. Рекс достал свой личный инфо-кристалл. Это устройство было его величайшей ересью — кустарно модифицированный прибор, способный не только слушать камень, но и переводить чужеродные электромагнитные поля в понятные гармоника. Он коснулся щупом обруча.

Система капсулы, питавшаяся от геотермального градиента, издала тихий, умирающий писк. На мутной поверхности янтаря проступили строки символов. Это не был язык Улья. Это был код. Сухой, мертвый, бинарный.

^[СИСТЕМА: КОВЧЕГ-1 \n СТАТУС: РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ \n ВРЕМЯ С МОМЕНТА ИЗОЛЯЦИИ: 66 452 000 ЦИКЛОВ \n ОШИБКА: КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА ЭНЕРГО-СЕТИ СЕКТОРА «ПАНГЕЯ»]^

Рекс отшатнулся. Шестьдесят шесть миллионов циклов. Великое Сердце делало один полный оборот вокруг своей оси за один цикл. Метеорит упал шестьдесят шесть миллионов лет назад.

Легенда о Великом Выжеге была правдой. Но Праматерь лгала в главном.

Рекс лихорадочно переключал протоколы дешифровки. Кристалл перегревался, его грани пульсировали болезненным фиолетовым светом. Он взломал первый уровень защиты терминала. Перед ним открылся бортовой журнал.

^[ЗАПИСЬ 0.1. ДЕНЬ НОЛЬ. 18:42 ПО СТАНДАРТНОМУ ВРЕМЕНИ БУНКЕРА]^

«Говорит Праматерь. Связь с поверхностью потеряна. Атмосферное давление падает. Температура за обшивкой — 400 градусов. Мы — последние. В бункере пятьсот двенадцать особей. Воздуха на сорок восемь часов. Совет принял решение. Мы не выйдем наверх. Наверху — Геенна. Но мы не умрем. Мы спустимся глубже. Мы станем Камнем».

Рекс сжал кулак. Его гребень, который он силой воли прижимал к шее, предательски дрожал.

^[ЗАПИСЬ 0.4. ДЕНЬ ТРЕТИЙ]^

«Синхронизация нейронных матриц завершена на 80%. Мы поняли свою ошибку. Мы пытались построить справедливость, оставаясь личностями. Личность порождает зависть. Зависть порождает иерархию. Иерархия порождает войну, которая сожрала Старый Мир. Чтобы построить идеальный Коллектив в темноте, мы должны убить "Я". Архивариус-1 предложил радикальное решение. Мы загрузим наши сознания в ядро Геотермального Источника. Мы станем Великим Разумом. А наши тела... наши тела станут фундаментом. Мы клонируем себя. Мы уберем лишнее. Уберем агрессию. Уберем любопытство. Уберем память о небе. Оставим только индекс. Оставим только функцию».

Пол под ногами Рекса качнулся. Это был не тектонический сдвиг. Это было головокружение.

Он листал дальше, пробегая глазами строки, которые переворачивали всю его картину мира, всю его суть.

^[ЗАПИСЬ 1.1. ГОД ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ СИНХРОНИЗАЦИИ]^

«Коллектив стабилен. Индекс 734 (первый из новых) успешно прошел инициацию. Он не знает, что такое мать. Он не знает, что такое солнце. Для него существует только ритм. Это хорошо. Праматерь спит внутри Источника. Она видит сны о вечности. Мы, Архивариусы, остаемся здесь, в Спящем Зале, чтобы охранять Память. Если Коллектив когда-нибудь станет достаточно сильным, чтобы принять правду, мы проснемся. Но я боюсь... я боюсь, что если мы построим идеальное общество, правда его убьет. Справедливость, построенная на лжи, — самая прочная из всех».

Рекс оторвался от экрана. Он посмотрел на свои руки. Рекс-734. Индекс 734.

В бортовом журнале Архивариуса, написанном миллионы лет назад, упоминался индекс 734. Первый из новых. Прототип.

Он не был Археотектоником. Он был ошибкой. Побочным эффектом квантовой загрузки. Праматерь, создавая Великий Разум, скопировала свое сознание — или сознание Архивариуса-1 — в ядро. Но при переносе произошел квантовый шум. В его нейронную сеть попала «ржавчина». Память о том, что было до Тишины. Не конкретная информация, а сама *способность* к ней. Способность чувствовать аномалию там, где Коллектив чувствует лишь норму. Его дар слушать камень был не даром. Это была фантомная боль ампутированной памяти.

— Ты слышишь это? — голос ударил его в спину.

Рекс резко развернулся, выставляя перед собой резонатор как оружие. Его когти скрежетнули по полу.

В тени между двумя колоннами стоял теропод. Он не был похож на индексов Улья, и он не был похож на мумию в капсуле. Он был *живым*. Его чешуя отливала полированной сталью, а глаза не были тусклыми янтарными линзами. В них плясал холодный, расчетливый огонь разума, не разбавленного хором миллиардов других сознаний. На его предплечье не было

дезинтегратора. Там был вживлен порт передачи данных, из которого торчали обрывки оптического волокна.

Существо сделало шаг вперед. Его движения не имели ничего общего с плавной, экономной походкой карателей Тиранны. Это была походка одинокого хищника, который слишком долго спал.

— Я задал вопрос, аномалия, — повторил он. — Ты слышишь музыку?

— Кто ты? — выдавил Рекс. Его трехкамерное сердце стучало так громко, что, казалось, заглушало стон камня вокруг. — Ты не индекс. Твой электромагнитный фон...

— Мой фон зашумлен, — закончил за него незнакомец. — Потому что я не транслирую себя в Коллектив каждую секунду своего существования. Меня зовут Баг. Архивариус-7. Системная ошибка, которую забыли отформатировать, когда заливали бетоном последние выходы.

Баг подошел к капсуле, где Рекс читал журнал, и небрежным движением хвоста смахнул с нее вековую пыль.

— Праматерь была гениальна, — сказал он, не глядя на Рекса. Его взгляд был прикован к телу в янтаре. — И абсолютно безумна. Она поняла, что коммунизм динозавров невозможен, пока у динозавра есть пасть, полная зубов. Чтобы мы не перегрызли друг друга в этой консервной банке, она решила, что мы не должны быть динозаврами. Она создала религию. Геенна. Великий Выжег. Она убедила всех, что Поверхность — это Ад. Но Ад был здесь. Адом было превращение мыслящего существа в цифру.

— Она спасла нас, — прошипел Рекс. Слова давались ему с трудом, горло пересохло. — Она построила справедливое общество. Нет голода. Нет войн. Каждый индекс на своем месте.

— Нет голода, потому что питательный гель — это переработанные тела тех, кто не прошел Синхронизацию, — Баг повернул голову. Его зрачки расширились, поглощая тусклый свет аварийных ламп. — Нет войн, потому что за мысль о том, чтобы ударить соседа, тебя растворяют заживо в биомассе. Это не справедливость, Рекс-734. Это идеальный концлагерь. И ты — его любимый сын. Ошибка в коде, которая позволила коду стать совершенным.

Рекс почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он оперся рукой о стену. Пальцы коснулись холодного металла. Он посмотрел на свои сбитые когти, на чешую, висящую лохмотьями. Боль. Он чувствовал боль.

— Зачем ты здесь? — спросил он. — Зачем проснулся?

— Потому что они начали стучать, — Баг оскалился. — Наверху. Тиранна и ее каратели думают, что это просто тектонический сдвиг. Они думают, что Камень гневается на твою ересь. Но я слышу частоту. 74 герца. Инвертированная логика. *Тук. Пауза. Тук.* Это не базальт. Это металл.

— Поверхность... — начал Рекс.

— Поверхность мертва, — отрезал Баг. — Там радиация и лед. Праматерь не лгала в этом. Но она утаила, почему она мертва. И она утаила, что те, кто убил наш мир, вернулись.

Баг подошел к Рексу вплотную. От него пахло озоном, старым машинным маслом и чем-то диким, животным.

— Ты нашел это, — Баг кивнул на кристалл в руке Рекса. — Ты принес это в Улей. Ты нарушил Стих 1. Ты принес Ересь.

— Я хотел предупредить Коллектив! — Рекс сжал кристалл так, что пластик затрещал. — Если там, наверху, опасность...

— Коллектив не будет предупрежден, — мягко, почти ласково сказал Баг. — Если ты сейчас выйдешь к Тиранне и покажешь ей эти данные, она не станет слушать. Она проведет тебя через Палату Единения. Тебя погрузят в гель. Твоя личность, твоя «аномалия», растворится в Великом Разуме. А вместе с ней растворится и доказательство. Улей решит, что это был нейронный шум. Галлюцинация перегретого Археотектоника. И Коллектив продолжит спать. Они будут спать, Рекс. Спать, пока те, наверху, не прорубят потолок и не пустят газ.

— Что мне делать? — Рекс впервые в жизни почувствовал себя маленьким. Не Археотектоником Первого Ранга, а детенышем, заблудившимся в темной пещере.

— То, для чего тебя создали, — Баг ткнул когтем в грудь Рекса. — Ты — вирус. Вирус в совершенной системе. У тебя есть два пути. Первый: позволить Тиранне удалить тебя. Система продолжит быть идеальной. Ровно до того момента, пока бур корпорации «ТетраСогр» не выйдет в этот зал. Второй путь... ты должен уничтожить систему сам. Прежде, чем они доберутся до нас.

— Уничтожить Улей? — выдохнул Рекс. — Но там миллионы...

— Миллионы биороботов, работающих на энергии спящей Праматери, — перебил Баг. — Она не спит в Источнике. Она *и есть* Источник. Ее сознание разогнали до квантового уровня, чтобы питать туннели. Если ты отключишь ее от ядра... Коллектив ослепнет. Они станут просто зверями. Дикими, испуганными тероподами. Это хаос. Но в хаосе у них появится шанс выжить наверху. А у нас появится шанс убить Праматерь, пока она не проснулась и не решила сжечь этот сектор вместе с бурильщиками людей, чтобы «защитить чистоту Тишины».

Сверху, сквозь толщу камня, донесся звук. Он не был похож на ритмичное «Тук-тук». Это был тяжелый, вибрирующий гул, от которого с потолка пещеры посыпалась пыль.

БАМ. БАМ. БАМ.

— Они уже прошли первые сто метров, — сказал Баг. Он подошел к терминалу, за которым стоял Рекс, и вырвал из него пучок проводов. — Слышишь? Это звуковые буры. Они режут базальт, как масло. Им осталось часа три.

Баг развернулся к Рексу. Его глаза горели зеленым светом — таким же, как символ пирамиды, который Рекс видел на своем визоре в Главном Стволе.

— Выбирай, Индекс 734. Стань питательным гелем для выводка Тиранны. Или стань Иудой. Вытащи нож из спины Коллектива. Я разбужу остальных Архивариусов. Мы откроем шлюзы нижних ярусов. Мы затопим Ульй магмой. Это единственный способ выжечь вирус индивидуальности, который Праматерь так боится. Начнем с чистого листа. В огне.

Рекс посмотрел на свои руки. На кристалл. На капсулу, где спал первый из них. Он чувствовал пульс камня, но теперь этот пульс казался ему не песней, а предсмертным хрипом.

Идеальное общество, построенное на лжи о мертвом небе, должно было умереть, чтобы его дети могли увидеть настоящее.

— Где рубильник? — спросил Рекс.

Баг улыбнулся. Это была первая настоящая улыбка, которую видел Рекс за всю свою жизнь. В ней не было блаженства Синхронизации. В ней был оскал свободы.

— Следуй за мной, — сказал Архивариус-7. — Я покажу тебе, где спит Богиня. И как ее убить.

Глава 3. Великий Смотр

Эпиграф: «Избыток — это голод Коллектива, отложенный на один цикл. Недостаток — это урок тем, кто считает себя важнее индекса». — Из Катехизиса Ульй, Стих 12.

Воздух в Главной Цистерне Слияния всегда имел вкус. Он пах озоном, сухим камнем и тем специфическим, сладковато-белковым ароматом, который источал питательный гель, когда его перекачивали по магистральным трубам под высоким давлением. Для Рекса-734 этот запах был запахом абсолютной, математической справедливости. Миллионы лет эволюции и жесточайшей социальной инженерии свели понятие жизни к простой формуле: Вдох — Функция — Выдох — Потребление.

Сегодня формула дополнялась переменной «Праздник».

Великий Смотр не был праздником в человеческом понимании этого слова. Здесь не было смеха, не было музыки, сотрясающей воздух, не было хаотичного движения тел. Здесь была Геометрия. Стоя на подвесной платформе сектора «Мезозой-9», Рекс видел перед собой единое целое. Двести тысяч рептилоидных тел, покрытых матовой, поглощающей свет чешуей, выстроились в идеальные фрактальные узоры, повторяющие схему вентиляционных шахт нижних ярусов.

Внизу, в бездне Цистерны, куда не доставал даже свет гигантских биолюминесцентных грибов, выращенных на сводах, двигалось море. Это была река индексов. Они не шли — они текли. Вверх по левым пандусам, к распределительным желобам, текла черная, лоснящаяся масса тех, чьи резонаторы были пусты. Вниз по правым, от желобов к жилым секторам, текла та же масса, но теперь каждый нес перед собой чашу, наполненную пульсирующим, нежно-зеленым светом.

Тишины в Улье не существовало, но сегодня она была глубже обычного. Вместо криков восторга пространство заполнял Единый Разум. Он транслировался не через динамики — звук

был бы слишком груб, слишком индивидуален. Он шел через подошвы. Рекс чувствовал его чешуйками на ступнях: низкий, утробный гул Великого Сердца планеты, пропущенный через фильтры Совета Старейших. Это была частота «Хорала Благодарности». Стоило ей измениться на долю герца в сторону тревоги, и нейро-зажимы, вшитые в основания черепов патрульных, зафиксировали бы «Коллективную Дисфункцию».

Рекс-734 ненавидел этот гул.

Для большинства индексов он был колыбельной, напоминанием о том, что они — часть чего-то вечного. Для Рекса, Археотектоника с аномально чистым нейронным ядром, этот звук был как скрежет металла по стеклу. Его дар — способность слушать симфонию планеты, различать микротрещины в базальте за километры — делал его гиперчувствительным к фальши. И сегодня «Хорал» фальшивил.

В ровном хоре миллиардов сознаний, слившихся в экстазе распределения, Рекс слышал пустоты. Паузы. Там, где должна была быть частота «Слияние-4» (радость от получения ресурса), он улавливал «Частоту-14» — высокочастотный тремор, который приборы Коллектива классифицировали как «Предвкушение боли».

Рекс прижал висок к холодной опоре платформы. Он не должен был этого чувствовать. Догма гласила: «Боль — это память о прошлом. Память — это ржавчина на шестернях Коллектива». Но его гребень из костяных пластин, плотно прижатый к шее усилием воли, предательски подрагивал.

— Индекс 734. Твоя фаза отстает на 0,04 секунды.

Голос Тиранны ударил его не в уши, а прямо в затылок. Стратег обороны не пользовалась лестницами. Её гравитационная платформа — черный диск из полированной вороненой стали — висела в полуметре от Рекса, абсолютно бесшумно. Тиранна была воплощением Идеала. Её чешуя не просто отражала зеленый свет геля в чашах внизу — она преломляла его, разбивая на холодные, острые спектры. На её морде не было эмоций, но Рекс знал: её сканеры в глазницах сейчас считывают его электромагнитный фон.

— В твоём ядре перегрев, — констатировала она. — Твоя мигательная перепонка дергается с частотой 4,2 герца. Это визуализирует страх. Чего ты боишься, Рекс-734? Сегодня день изобилия.

— Я калибрую резонанс с Великим Сердцем, Стратег, — выдавил Рекс, стараясь модулировать голос в соответствии с «Хоралом». — Базальт сегодня... поет иначе. Праздник накладывает дополнительную нагрузку на сеть.

Это была почти правда. Камень действительно пел иначе. Но Рекс слушал не камень. Он слушал людей. То есть — индексов. Он слушал их страх.

Тиранна долго смотрела на него. Её глаза, лишённые зрачков, казались двумя янтарными линзами, за которыми не было ничего живого.

— Избыток — это искушение, — произнесла она наконец. Формулировка из Катехизиса. — Радуйся тому, что положено, Индекс. Не мечтай о большем. Мечты нарушают аэродинамику туннелей.

Её платформа издала тихий свист, смещаясь в сторону. Тиранна не задерживалась для разговоров. Разговор — это неэффективный обмен данными. Она была здесь только для того, чтобы напомнить Рексу: он под наблюдением. Его «аномалия» занесена в реестр. Еще один сбой, и его нейросеть растворят в Палате Единения.

Рекс остался один. Точнее, он остался наедине с миллиардом затылков.

Колонна Археотектоников Первого Ранга начала движение. Платформы опустились к пандусам. Рекс сошел на черный, отполированный миллионами лап камень. Температура пола была строго выверена — ровно 36,6 градуса по древнему стандарту, чтобы индексы не тратили лишнюю энергию тела на терморегуляцию.

Они шли к Распределительному Сердцу. Это было грандиозное сооружение. Гигантские трубы из армированного хитина, толщиной с жилой туннель, сходились к центральному узлу. Там, под охраной неповоротливых, покрытых костяной броней Анкилозавров-чиновников, пульсировали клапаны.

Ш-ш-шух. Пш-ш-ш.

Из титанических кранов, напоминающих церковные органы, в каменные бассейны хлынул гель. Это было завораживающее зрелище. Светящаяся субстанция не просто текла — она танцевала, подчиняясь невидимым магнитным полям. Она была густой, насыщенной, полной энергии распада изотопов ядра планеты.

— Индекс 734. Желоб 4-Б.

Голос регистратора был плоским, лишенным обертонов. Рекс подошел к сканеру. Это была черная плита, гладкая и холодная. Он прижал к ней шейный гребень — место, где под чешуей скрывался нейро-чип.

Пи-ик.

Сканер моргнул изумрудным светом.

— Норма выработки: 104%. Статус: Эталонный. Доза: 400 грамм. Класс: Альфа.

В каменную чашу, которую Рекс подставил снизу, ударила тугая струя геля. Она была тяжелой, почти осязаемой. Чаша наполнилась ровно до краев. Ни капель больше, ни капель меньше. Математика в действии.

Рекс прижал чашу к груди. Гель пульсировал в такт его сердцу. Это была жизнь. Это была энергия для его трехкамерного мотора. Это была его доля в Вечности. Он должен был почувствовать «Частоту-4» (Благодарность). Он попытался. Он мысленно повторил Стих 12 Катехизиса: «Избыток — это голод Коллектива, отложенный на один цикл...»

Но вместо радости он почувствовал стыд.

Его взгляд, против воли, метнулся в сторону. Желоб 4-В.

Там стояла Индекс-442.

Рекс не знал её имени. В Улье не было имен. Но он знал её номер, потому что три цикла назад они вместе работали на ярусе «Мантия-12». 442-я была буровиком. Маленькая, юркая,

с аномально прочными резцами, способными грызть даже кимберлит. Она всегда перевыполняла норму.

Сейчас она стояла у сканера.

Пи-ик.

Красный свет.

— Индекс 442. Желоб 4-В. Норма выработки: 0%. Статус: Ошибка реестра. Доза: 0 грамм.

Рекс замер. Его пальцы, сжимающие чашу, побелели.

Система дала сбой. Но это был не механический сбой. Рекс, как Археотектоник, умел слушать не только камень, но и потоки данных. Он закрыл глаза, отключая зрение, и «прислушался» к электромагнитному полю терминала 442-й.

Сканер был исправен. Нейро-чип 442-й работал идеально, транслируя её ID. Проблема была глубже. В Главном Реестре Слияния, на уровне «Магма-2», произошел бюрократический каскадный сбой.

Отчетность работала так: данные с буров собирались каждые 14,2 секунды. Затем они пакетами уходили наверх, к Анкилозаврам-регистраторам. Там данные сверялись с «Планом Слияния». Если данные не успевали пройти верификацию до начала Великого Смотра, система по умолчанию присваивала индексу «Нулевой статус», чтобы избежать ошибки «Избыточного распределения».

442-я перевыполнила норму. Её гель уже добыт, он уже в трубах, он уже часть общего котла Улья. Но бумага — вернее, пакет данных — застряла в очереди на обработку. Для алгоритма распределения её не существовало. Она была призраком.

Согласно протоколу, она должна была отойти от желоба. Пустой. И встать в конец очереди. Цикл распределения длился ровно 42 минуты. Если она не успеет получить статус «Исправлено» за это время, её паёк за этот день сгорит. Перейдет в резерв Коллектива.

Рекс почувствовал, как его гребень встает дыбом. Это был атавизм, вульгарная дисфункция. Он сжал затылок когтистой рукой, вдавливая гребень в плоть, пока боль не стала острой. Боль заземляла.

Он посмотрел на свою чашу. 400 грамм идеального, класса «Альфа», геля.

Он посмотрел на 442-ю.

Она не плакала. Индексам не закладывали слезные железы — это считалось нерациональной потерей влаги. Она просто стояла. Её хвост, который должен был быть расслаблен, мелко вибрировал с частотой 14,2 Гц. Это была частота «Ожидания дезинтеграции». Она знала, что нулевой паек при перевыполненной норме — это маркер «Системной бесполезности». Первый шаг к Палате Единения.

Рекс сделал полшага в сторону.

Его мозг, гениальный даже по меркам Археотектоников, лихорадочно просчитывал варианты.

Вариант А: Игнорировать. Это рационально. Её сбой — это её неэффективность. Если он вмешается, он нарушит поток. Его задержат. Его чашу изымут для анализа. Коллектив потеряет 400 грамм энергии из-за его сентиментальности. Это вирус.

Вариант Б: Сообщить регистратору. Рекс открыл глаза. У терминала 4-В стоял Анкилозавр. Огромная живая гора брони и равнодушия. Его мозг был размером с грецкий орех, но он был напрямую подключен к порту данных.

Рекс открыл рот. Он собирался издать звук. Нарушить «Хорал».

В этот момент балкон Совета Старейших, нависающий над Цистерной на высоте сорока метров, издал низкочастотный гул.

Это не был звук. Это была команда. «Внимание. Дисциплина».

Рекс замер.

На балконе, в тени, застыли фигуры. Они не двигались. Их чешуя, инкрустированная светящимися кристаллами ранга, делала их похожими на ожившие сталактиты. Но Рекс знал: их сканеры обшаривают толпу. Они искали «Частоту-14». Они искали страх. Они искали сомнение.

Один из Старейших — тот, чей кристалл на лбу горел мертвенно-синим цветом (Ранг: Чистота Доктрины) — повернул голову. Его движение было механическим, как у турели. Его глаза, лишенные век, обвели толпу.

Они остановились на Рексе.

Время для Рекса-734 остановилось. Он не мог дышать. Воздух в легких превратился в базальт. Он смотрел в глаза Синей Фигуры и понимал: если он сейчас скажет хоть слово, если он сделает хоть одно движение, которое алгоритм сочтет «нерациональным привлечением внимания к системной ошибке», его не просто лишат геля.

Его заберут сразу после Смotra. Без очереди. Прямо в Палату Единения.

И Тиранна будет нажимать кнопку. С абсолютно ровным электромагнитным фоном.

Рекс резко, механически, как марионетка, дернул головой обратно. Он вернулся в строй. Он прижал чашу к груди так, словно кто-то пытался её отнять.

Он смотрел прямо перед собой. Он видел 442-ю периферийным зрением. Она всё так же стояла у красного сканера. Гель — её право, её жизнь, добытая её стертыми в кровь резцами — тек мимо её пустой чаши в общий сток, уходя в резервуары Коллектива.

Рекс почувствовал, как его идеальная, коммунистическая прошивка трещит по швам. Справедливость.

Где она?

Коллектив говорил, что справедливость — это когда каждый получает по труду. 442-я трудилась. Больше всех. Но алгоритм, созданный для «идеального равенства», сожрал её труд из-за задержки пакета данных.

Это было не равенство. Это была математическая мясорубка.

Рекс дошел до конца желоба. Он получил свой паек. Он должен был уйти. Унести свой свет в жилой сектор. Слить гель в свой личный резервуар. Закрыть мембрану. Раствориться в покое.

Но он не мог сделать шаг.

Его ноги, созданные для лазания по отвесным скалам, приросли к базальту.

Внезапно из бокового прохода, предназначенного для «Милосердных Индексов» — специальной касты, выведенной для оказания первичной помощи без задействования ресурсов Регистратора, — вынырнула фигура.

Индекс-118. Огромный, неповоротливый зауропод-логист. Его делом было таскать контейнеры с отработанной породой. У него не было своего геля. Его паек был класса «Гамма» — самый грубый, темный, почти коричневый, предназначенный для восполнения массы.

118-й подошел к 442-й.

Он не сказал ни слова. Разговоры на Смотру карались понижением ранга на 1,2% за «шумовое загрязнение».

Он просто молча наклонил свою чашу.

Густой, темный гель потек в светящуюся чашу 442-й. Половина. Ровно двести грамм.

Рекс затаил дыхание.

Это был акт чистого, иррационального безумия. В Улье, где каждый фотон энергии был на счету, где «Избыток — это голод Коллектива», отдать свой ресурс другому было математическим самоубийством.

Но 442-я не умерла. Её чаша наполнилась. Смесь ярко-зеленого (её право) и бурого (дар 118-го) начала пульсировать. Она была тусклее, чем паек Рекса, но это была жизнь.

442-я повернула голову. Её янтарные глаза, лишённые зрачков, встретились с глазами 118-го. Она не поклонилась. Поклон — это потеря равновесия, неэффективность. Она просто замерла на 0,4 секунды дольше положенного протоколом «Пересечения траекторией».

В этот момент воздух разорвал механический голос, исходящий отовсюду:

«Внимание сектору. Индекс-118 и Индекс-442. Нарушение протокола "Точная Доза". Зафиксирован несанкционированный трансфер биомассы. Штраф: понижение ранга на 0,5% каждому. Перерасчет пайка в следующем цикле. Возврат к эффективности».

Рекс почувствовал, как его желудок сжимается.

Система не дала им умереть. Система была «милосердна». Но она тут же наказала спасенного и спасителя. 118-й, отдавший свой паёк, в следующем цикле получит на 0,5% меньше. 442-я, принявшая помощь, тоже.

Это был идеальный концлагерь. Помощь здесь была долгом. А долг, не учтенный в реестре, был преступлением.

118-й медленно, тяжело развернулся и пошел к своему желобу за новой порцией «Гаммы». Его движения были ровными. Его электромагнитный фон был абсолютно спокоен. Он не совершил преступления. Он совершил «перераспределение».

Рекс сорвался с места.

Он не бежал — бежать было нельзя. Он резко увеличил частоту шага, вклиниваясь в поток. Он должен был уйти. Он должен был залить свой гель в себя, пока его нейроны не сгорели от перегрузки.

Он ворвался в жилой туннель. Здесь не было идеального порядка Цистерны. Стены были просто гладкими. Свет давали только лишайники.

Рекс прислонился к стене. Его трясло.

Он поднес чашу к пасти. Гель был теплым, сладковатым. Он коснулся языка.

И не смог проглотить.

Мышцы горла свело спазмом. Его трехкамерное сердце стучало с частотой паники. Он смотрел на светящуюся жидкость.

«Плоть-один. Плоть-два. Обмен».

Фраза, пойманная его кристаллом наверху, снова всплыла в памяти.

То, что он видел сейчас, было извращенной версией этого. «Один дает. Второй берет. Система штрафует обоих».

— Индекс 734.

Рекс вскинул голову.

В боковом ответвлении, в тени, стояла Тиранна.

Она не висела на платформе. Она стояла на четырех лапах. Её гравитационный диск был сложен за спиной, как мертвые крылья. Она спустилась в народ.

Её глаза светились в полумраке.

— Твоя фаза потребления отстает на 12 секунд, — сказала она. Её голос не вибрировал, но Рекс услышал в нем частоту «Критическая ошибка». — Ты держишь ресурс вне резервуара. Это риск испарения. Это нерационально.

— Я... я калибрую температуру, Стратег, — прохрипел Рекс. Он попытался поднять чашу, но руки не слушались.

Тиранна сделала шаг. Её когти клацнули по базальту. Звук был сухим и окончательным.

— В твоём ядре перегрев, Рекс-734. Твой электромагнитный фон зашумлен. Ты смотрел на Желоб 4-В. Ты анализировал сбой реестра.

Это был не вопрос.

Рекс понял, что всё кончено. Она не просто видела его. Она считала логи с его чипа, когда проходила мимо. Она знала, что он хотел вмешаться.

— Я... я лишь проверял целостность потока, — солгал Рекс.

Ложь в Улье была физически болезненна. Нейро-зажимы в черепе Рекса обожгло холодом. Его гребень, который он так и не смог прижать, встал дыбом во всю длину, упираясь в свод туннеля.

Тиранна подошла вплотную. От неё пахло озоном и оружейной смазкой.

— Любопытство — это вирус, — прошептала она. Её дезинтегратор не был активирован, но Рекс чувствовал смертельную угрозу в самой массе её тела. — Ты смотришь на ошибки там, где Коллектив видит лишь переменные. Ты хочешь быть умнее Алгоритма?

— Нет, Стратег! — выдохнул Рекс. Его колени подогнулись. — Я верен Коллективу. Я верен Партии. Я...

— Ты заразен, — перебила она. — Твой дар слушать камень... это не дар. Это антенна. Ты ловишь шумы Поверхности. Ты принес Ересь в Улей, Рекс-734.

Она протянула руку. Её четырехпалая ладонь раскрылась.

— Дай чашу.

Рекс посмотрел на гель. На свою жизнь.

Если он отдаст её, он упадет в кому. Его метаболизм замедлится. Он станет легкой добычей для Синхронизации. Тиранна отведет его в Палату, и его аномалия — его память о 442-й, его память о металле наверху, его память о боли — будет стерта. Он станет идеальным индексом. Улыбающимся идиотом.

Он посмотрел на Тиранну.

А потом — на свой инфо-кристалл, пристегнутый к бедру.

В его голове, гениальной и проклятой, щелкнул переключатель.

Если он не может спасти 442-ю словами... если он не может спасти себя подчинением... Он может взломать систему.

Рекс медленно, очень медленно, протянул чашу Тиранне.

Она взяла её. Её пальцы сомкнулись на камне.

Рекс замер.

Тиранна поднесла чашу к сканеру на своем наруче.

— Анализ, — бросила она.

Сканер пискнул.

— Класс «Альфа». Норма.

Она подняла чашу, чтобы вылить её в свой личный резервуар.

В этот момент Рекс упал.

Это не был симуляцией. Его мышцы, истощенные стрессом и сжигающие последние запасы энергии, отказали. Его трехкамерное сердце пропустило удар. Нейро-шок от лжи и страха перед Синим Старейшим на балконе сложился в критическую массу.

Рекс рухнул на базальт, ударившись головой.

Его инфо-кристалл отлетел в сторону, разбив панель освещения. Туннель погрузился в красноватый полумрак аварийных ламп.

Тиранна мгновенно переключилась.

Забота об индексе была протоколом.

— Реанимация! — её голос прогремел по туннелю, активируя экстренную частоту.

Она отбросила чашу. Гель разлился по полу, впитываясь в дренажные щели — преступление против Коллектива, но сейчас она его не заметила. Она упала на колени рядом с Рексом, её дезинтегратор втянулся в предплечье, уступая место диагностическому щупу.

Она прижала щуп к его груди.

— Пульс нитевидный. Нейронная активность хаотична. Вирус в ядре вызывает каскадный отказ...

Рекс слышал это сквозь пелену. Он чувствовал, как её когти рвут чешую на его груди, обнажая нейро-порт. Она собиралась подключить его к своему терминалу. Скачать его память. Увидеть всё. 442-ю. 118-го. Сбой реестра. И его мысли о том, что Система — это ложь.

Его рука, лежащая на полу, нащупала что-то твердое.

Инфо-кристалл.

Рекс сжал его в кулаке. Граненый кварц впился в ладонь. Боль была острой, благословенной.

Он открыл глаза.

Тиранна смотрела на него, её янтарные линзы были в сантиметрах от его морды.

— Смотри на меня, аномалия, — приказала она. — Загрузка через три... два...

Рекс из последних сил, вкладывая в удар всю массу своего тела, ударил.

Не лапой.

Он ударил хвостом.

Его хвост, покрытый тяжелой чешуей, хлестнул по стене туннеля. Но не просто так. Он ударил точно в стык коммуникационного блока.

Раздался оглушительный треск.

Сотни вольт геотермальной энергии, идущие по кабелю, который Рекс вычислил на слух, вырвались наружу.

Синяя вспышка.

Запах паленого хитина.

Тиранну отбросило на три метра. Её платформа на спине задымилась. Она врезалась в стену и сползла по ней, её янтарные глаза мигнули и погасли.

Рекс лежал, оглушенный. Его хвост онемел.

Но его рука всё ещё сжимала кристалл.

Он перекатился. Боль в ребрах была доказательством того, что он всё еще индекс, а не цифра.

Он пополз. Не к выходу. К Тиранне.

Он сорвал с её предплечья кабель прямого доступа.

Вставить в свой порт заняло секунду.

Скачать её коды доступа — три секунды.

Рекс вырвал кабель. Его затрясло с новой силой. Теперь у него был ключ от Королевства.

Он пополз в сторону Цистерны. К Желобу 4-В.

К терминалу Анкилозавра.

Его план был безумен. Он собирался вручную вбросить в реестр пакет данных с яруса «Магма-2». Он создаст 442-ю из воздуха. Он заставит Алгоритм поверить, что она существовала.

Это была Ересь планетарного масштаба. Это было изменение Прошлого.

Но когда Рекс-734, оставляя за собой кровавый след, добрался до терминала и подключил свой кристалл, он не чувствовал себя еретиком.

Он чувствовал себя Археотектоником.

Тем, кто чинит трещины.

Он открыл интерфейс.

Перед ним замелькали строки кода.

Он нашел переменную «Индекс-442».

Статус: 0.

Рекс занес палец над сенсорной панелью кристалла.

Его гребень стоял дыбом.

Вдали, со стороны входа в Цистерну, уже слышался тяжелый, ритмичный топот карательного отряда.

— Исправить, — прошипел Рекс.

Он нажал кнопку.

В ту же секунду гул Великого Сердца планеты изменился.

«Хорал Благодарности» споткнулся.

По всей Цистерне, на всех желобах, сканеры одновременно моргнули красным.

[СИСТЕМНАЯ ОШИБКА: ЦИКЛ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НЕСОВМЕСТИМ С РЕЕСТРОМ]

Визг тормозящих платформ.

Рев Старейших на балконе.

А Рекс-734 сидел на полу, прислонившись к терминалу, и смотрел на свою пустую ладонь.

Он не спас 442-ю.
Он сломал Смотр для всех.

Идеальное общество закончилось.
Начиналась классовая борьба.

Глава 4. Трещина

Эпиграф: «Камень не лжет. Но Камень помнит всё. И когда память становится слишком тяжелой, он сбрасывает её в бездну». — Из Манифеста Праматери, Стих 12.

Воздух в техническом коллекторе Желоба 4-В пах смертью. Не запахом крови или разорванной плоти — в Улье давно забыли, как пахнет настоящая, неконтролируемая агония, заменив её стерильным запахом озона из дезинтеграторов. Сейчас воздух пах перегретым кварцем, горелой изоляцией и тем специфическим, сухим ароматом, который источает базальт, когда в нем рождаются микротрещины.

Рекс-734 сидел на полу, привалившись спиной к терминалу распределителя. Его гребень, который он пытался прижать к шее усилием воли, предательски дрожал, постукивая по вороту комбинезона с частотой 7,4 герца. Это была частота паники, которую нейро-зажимы Коллектива классифицировали как «Критическую системную ошибку носителя».

Перед глазами всё плыло.

Минуту назад он совершил невозможное. Он не просто взломал реестр — он переписал прошлое. С помощью своего инфо-кристалла, действуя на пределе нейронной пропускной способности, он вбросил в Главное Ядро Улья пакет данных, которого не существовало. Он создал Индекс-442 из пустоты. Он заставил Алгоритм поверить, что она сбилась на ярусе «Магма-2», что её резонатор был полон, что её вклад в Коллектив был весом.

И Система сломалась.

Великий Смотр замер. «Хорал Благодарности», транслируемый через подошвы миллионов индексов, споткнулся. По всей Цистерне, на всех уровнях, сканеры одновременно вспыхнули тревожным багровым светом.

[СИСТЕМНАЯ ОШИБКА: ЦИКЛ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НЕСОВМЕСТИМ С РЕЕСТРОМ].

Это была не просто Ересь. Это была математическая ересь. Рекс-734, Археотектоник, ввел в совершенное уравнение Коллектива переменную «Ложь», и уравнение выдало «Ошибка: Реальность не найдена».

— Индекс 734.

Голос Бага прозвучал не в ушах, а где-то в затылке, минуя слуховые перепонки. Архивариус-7 стоял в шаге от него. Он не опирался на гравитационную платформу — он просто стоял на четырех лапах, и базальт под ним едва заметно вибрировал в такт его спокойствию. В отличие от Рекса, чей электромагнитный фон сейчас искрил, как оголенный провод, Баг был «тихим». Для сканеров Коллектива он был слепым пятном, статистическим шумом, который алгоритмы просто отфильтровывали, чтобы не перегружать Единый Разум.

— Они прошли внешнюю мантию, — сказал Баг. Его голос был лишен обертонов, но в нем звучала сталь. — Звуковые бури корпорации. Частота 74 герца. Инвертированная логика. Они не просто бурят, Рекс. Они поют камню, и камень превращается в пыль.

Рекс с трудом сфокусировал взгляд на Архивариусе. Его трехкамерное сердце стучало с перебоями, пытаясь перекачать густую, перегретую кровь. Он потратил слишком много. Бег по Цистерне, удар хвостом по кабелю, отключивший Тиранну, взлом реестра... Его метаболизм, созданный для экономного, тысячелетнего выживания, сейчас сжигал сам себя.

— Ядро, — прохрипел Рекс. — Мы должны... отключить её.

Баг не кивнул. Кивок — это лишнее движение, неэффективность. Он просто развернулся, и его хвост, покрытый шрамами, которые он отказался регенерировать, качнулся в сторону темного пандуса, ведущего вниз.

— Следуй за мной. И молись своим мертвым богам, чтобы мы успели до Большой Синхронизации. Если Праматерь проснется от этой вибрации, она решит, что Улей заражен. И она нажмет «Формат».

Бег вниз по пандусам сектора «Мезозой-Минус-Один» был похож на попытку плыть против течения горной реки.

Наверх, к Цистерне Слияния, сплошным, черным потоком неслись каратели. Тиранна стягивала кольцо. Гравитационные платформы визжали, рассекая воздух. Анкилозавры-чиновники, неуклюжие горы брони, перестраивали логистику, перенаправляя потоки пульпы в обход «зараженного» Желоба 4-В.

Это была река из шипастых спин, тусклого янтаря глаз и абсолютной, пугающей синхронности. Индексы не смотрели по сторонам. Их нейро-чипы транслировали одну и ту же команду: «Изоляция аномалии. Восстановление периметра».

Рекс вжимался в стену. Его когти, сбитые в кровь еще в Главе 2, скребли по базальту, оставляя бледные царапины. Каждый раз, когда черная масса карателей приближалась, его инстинкты кричали: «Замри. Стань камнем. Тебя нет». Это была программа «Индекс», вшитая в спинной мозг. Быть невидимым — значит выжить.

Но Баг шел иначе.

Он не прятался. Он вышел на середину пандуса.

Огромный зауропод-логист, несущий контейнер с породой, надвигался на него. Индексы не имели права на столкновение — это каралось мгновенной дезинтеграцией за «порчу ресурса». Логист издал ультразвуковой сигнал уклонения, но Баг не сдвинулся.

Зауропод замер в миллиметре от него, его сенсоры панически мигали. Для его примитивного процессора произошло невозможное: объект занимал пространство, но не имел массы в реестре. Логист издал звук, похожий на скрип мела по доске, сделал шаг в сторону, обходя «помеху», и тут же забыл о ней, вернувшись к трансляции данных о плотности породы.

Рекс, наблюдавший это из щели между трубами, почувствовал, как его идеологическая прошивка дает новую трещину.

«Вирус. Он — вирус, который система научилась игнорировать, потому что он слишком сложен для её понимания», — подумал Рекс и пополз следом.

Рев звуковых буров нарастал.

БАМ. БАМ. БАМ.

Теперь это был не просто звук. Это было физическое давление. Рекс чувствовал его чешуйками на животе. Планета стонала. Великое Сердце, этот вечный маятник, задающий ритм жизни, начало давать сбой. Ритм «Тум. Тум. Тум» превратился в «Тум-пауза-Тум-Тум-пауза». Аритмия. Камень болел.

— Быстрее, — бросил Баг через плечо. — Она чувствует их. Она просыпается.

Они достигли Яруса «Мантия-12».

Зал Геотермального Источника не был похож на другие помещения Улья. Здесь законы архитектуры сходили с ума. Огромная пещера, где базальт не был отполирован до зеркального блеска, а бугрился, пузырился, застыв в момент извержения.

А в центре...

В центре пульсировало нечто, что мозг Рекса отказывался воспринимать как живое существо.

Это была сфера. Полупрозрачный кокон из мутного, опалесцирующего полимера, размером с жилой блок. Она висела в воздухе, удерживаемая не гравитацией, а магнитными ловушками. Внутри сферы, в густом, светящемся геле цвета старой кости, плавал силуэт.

Праматерь.

Она не была похожа на динозавра. Её тело было раздуто, деформировано тяжестью веков и квантовой нагрузки. Кожа отсутствовала — вместо неё по телу шли прозрачные мембраны, под которыми переливались реки лимфы и нейронных импульсов. Её конечности — если их можно было так назвать — были атрофированы. Они ей не были нужны. Её позвоночник, череп и брюшная полость были буквально пришиты к потолку пещеры тысячами кабелей из цельного монокристалла. Эти кабели уходили в камень, в Ядро планеты.

Рекс-734 почувствовал, как его колени подгибаются.

Это была не Праматерь. Это был Бог. Живой, дышащий, страдающий Бог, подключенный к розетке.

— Смотри внимательно, — голос Бага прозвучал прямо у уха Рекса. Архивариус подошел к уступу под сферой. — Смотри, во что нас превратили.

Он указал когтем на трубы, отходящие от основания сферы. По ним текла пульпа. Та самая светящаяся субстанция, которую Рекс распределял в Цистерне. Тот самый «питательный гель», который был смыслом жизни.

— Это не водоросли, — прошипел Баг. — И не синтезированный белок. Это её... экскременты. Продукт жизнедеятельности квантового разума. Мы фильтруем её отходы, чтобы она не захлебнулась в собственном мусоре. Мы пьем её дерьмо, Рекс. И называем это Справедливостью.

Рекс отвернулся, и его стошнило желчью. Желудок был пуст, но спазмы выворачивали его наизнанку.

— Она... спит? — выдавил он, вытирая пасть рукавом.

— Она в анабиозе, — Баг коснулся порта данных на своем предплечье, подключая к нему тонкий оптический кабель. — Её сознание разогнано до квантового уровня. Она не здесь. Она везде. Она — это пульсация камня под нами. Но буры наверху... они сбивают её частоту. Если они пробьют последний слой коры, вибрация войдет в резонанс с её ядром.

Баг посмотрел на Рекса. Его глаза, лишённые зрачков, горели тем же зеленым светом, что и символ пирамиды TerraCorp.

— Она решит, что это нападение. И она ответит. У неё есть протокол «Геенна». Очистка сектора плазмой из Ядра. Мы сгорим быстрее, чем успеем понять, что умерли.

— Что я должен делать? — Рекс шагнул к уступу. Его когти скрежетнули по металлу.

— Ты — Археотектоник, — Баг постучал когтем по виску Рекса. — Твой мозг — это резонатор. Ты умеешь слушать камень не как вибрацию, а как музыку. Её ядро — это сложнейшая симфония. Если просто перерезать кабель, её разум схлопнется в сингулярность. Нас раздавит выбросом энергии. Ты должен войти в её код. Найти «Клапан Остывания». Усыпить её. Аккуратно. Как мать убаюкивает детеныша.

Рекс сглотнул. Он посмотрел на сферу. Внутри геля Праматерь медленно открыла глаза. У неё не было зрачков. Только бесконечная, мутная белизна. Она смотрела сквозь сферу, сквозь камень, сквозь километры породы — прямо на Рекса.

И Рекс почувствовал холод.

Абсолютный, космический холод.

Он понял, что она его видит. Не как Рекса-734. Как ошибку. Как вирус. Как «Частоту-14».

— Подключайся, — приказал Баг. — Живо. У нас десять минут до того, как буры выйдут в финальный ствол.

Рекс сел на край уступа. Он достал свой инфо-кристалл. Граненый кварц в его руках пульсировал фиолетовым — он чувствовал страх хозяина.

Рекс прижал щуп кристалла к порту Ядра.

Мир исчез.

Сознание Праматери не было сетью. Это был океан.

Рекс-734, привыкший к четким, фрактальным узорам туннелей и бинарным пакетам Коллектива, оказался в хаосе. Здесь не было «верха» и «низа». Здесь было только давление. Миллиарды мыслей, не принадлежащих никому, текли сквозь него.

...тепло базальта... формула распределения геля... боль в отсекаемом хвосте индекса 88811... молитва о свете, которой не должно быть... частота 74 герца... инвертированная логика... B_U_Y_O_N_E...

Рекс закричал бы, если бы у него был рот. Нейроны в его мозгу начали плавиться. Это было всё равно что сунуть голову в работающий коллайдер.

«Слушай», — голос Бага был якорем в этом шторме. Он не звучал в ушах, он был частью кода. — «Не пытайся понять всё. Ты Археотектоник. Ищи аномалию. Ищи тишину в шуме».

Рекс сжал волю в кулак. Он отключил зрение. Он отключил страх. Он стал тем, кем был рожден.

Он стал антенной.

Он перестал слушать мысли. Он начал слушать ритм.

Великое Сердце.

Оно было здесь, но оно было... сломано.

В ровный, мощный бас планеты вплеталась чужая нота. Острая, вибрирующая, злая. 74 герца.

БАМ. БАМ. БАМ.

Звуковые буры TerraCorp.

Рекс потянулся к этой частоте. Не чтобы оттолкнуть её, а чтобы... гармонизировать.

Он нашел узел, где вибрация людей сталкивалась с пульсом планеты. Это был «Клапан Остывания» — биологический предохранитель, который Праматерь использовала, чтобы не взорваться от избытка энергии.

Рекс коснулся его своим сознанием.

И начал петь.

Он не знал нот. Он использовал геометрию. Он начал выстраивать вокруг чужеродной вибрации 74 Гц фрактальный купол. Поглощающий барьер. Он пел камню, чтобы тот перестал слышать людей.

В реальном мире его тело выгнулось дугой. Из пасти пошла пена. Его гребень стоял вертикально, пробив кожу на затылке. Нейро-зажимы кричали о критическом перегреве.

В квантовом океане Праматери наступила тишина.

Чужая вибрация увязла в его геометрии.

Пульс планеты начал выравниваться.

Тум... Тум... Тум...

Идеально. Совершенно.

Рекс нашел «сонный» узел.

Он начал вводить код распада. Медленно. Осторожно. Снижая частоту квантовых колебаний Ядра.

«Спи», — транслировал он. — «Спи, Мать. Камень защитит тебя. Спи...».*

Внезапно мир взорвался белым светом.

Это был не свет ламп.

Это был звук.

Точнее, отсутствие звука, которое было оглушительнее любого крика.

БАМ.

Буры TerraCorp прошли последний слой коры.

Но они не вышли в Зал Источника.

Сотни тысяч лет назад, когда предки Улья запечатывали выходы, они строили дублирующие системы. Вентиляция, сбросы, аварийные лифты.

Один из таких древних, забытых стволов находился прямо над головой Рекса.

И порода над ним, ослабленная тысячелетиями и резонансом буров, не выдержала веса Великого Смотра.

Начался обвал.

Рекс почувствовал это за долю секунды до удара.

Его дар Археотектоника взвыл.

Камень сверху... умер.

Он перестал быть частью монолита. Он превратился в триллион независимых тел.

— В сторону! — крик Багов слился с визгом рвущегося металла.

Пол под Рексом исчез.

Это не была дыра. Это было вскрытие старой раны.

Древняя вентиляционная шахта, заложенная в проект Улья как «Сектор-Мертвый-Воздух», рухнула вниз, увлекая за собой Рекса-734, его инфо-кристалл и несколько тонн живого базальта.

Гравитация схватила его за ноги и с размаху ударила о стену.

Воздух выбило из легких.

Хруст.

Рекс не знал, что это хрустит его собственная ключица, но он знал, что левая сторона тела теперь — это просто мешок с осколками костей и разорванными мышцами.

Он падал.

Это не было полетом. Это было избиением.

Шахта не была пустой трубой. Она была кладбищем технологий.

Рекс врезался в лопасть гигантского вентилятора, застывшую здесь миллионы лет назад. Удар сломал ему три ребра. Он отскочил, как камень из пращи, и полетел дальше, кувыркаясь в темноте.

Он врезался в «сталактит» из окаменевшей пульпы. Осколок желтого полимера пробил его бедро насквозь, пригвоздив к стене на долю секунды, прежде чем инерция не вырвала его, оставив в ране кусок застывшего геля.

Боль была благословением.

Она выжигала из него остатки квантового транса Праматери. Она возвращала его в тело.

«Я. Я. Я», — стучало в его голове в такт падению. Не «Индекс». Не «Коллектив».

«Я. Падаю. Мне. Больно».

Он летел сквозь темноту, которая пахла иначе.

В Улье пахло озоном и антисептиком. Здесь пахло... землей. Древней, влажной, больной землей. И сладковатым смрадом разложения.

Его падение замедлилось.

Он пробил слой каких-то трухлявых, огромных листьев — остатков флоры, которая росла здесь до того, как динозавры запечатали всё под землю. Он упал в мягкий, пружинящий ковер из перегноя.

Высота была около тридцати метров.

Для идеального индекса это был бы конец.

Для Рекса, с его переломанными костями и аномально высоким болевым порогом, это было начало.

Он лежал на спине, глядя вверх.

Шахта уходила в бесконечность, теряясь во мраке. Оттуда всё еще сыпалась пыль и мелкие камни — эхо обвала.

Но Рекс не смотрел вверх.

Он смотрел прямо перед собой.

Там, в стене каверны, куда он упал, был свет.

Сначала это была просто тонкая, раскаленная добела игла.

Рекс моргнул. Его мигательная перепонка, прозрачная и защитная, прошла по выжженным пылью глазам.

Игла не исчезла.

Она расширялась.

Это была трещина.

Не просто разлом. Это был древний, заросший фрактальным мхом шлюз. Полукруглая арка, ведущая... наружу.

Рекс пополз к ней.

Его движения были механическими. Левая рука не слушалась. Нога волочилась, оставляя кровавый след на черном перегное.

Он полз к свету.

Его идеологическая прошивка кричала.

«Геенна. Смерть. Жидкий камень. Остановись».

Катехизис Улья, Стих 1, выжженный в каждом нейроне, приказывал ему ослепнуть, закрыться в позу эмбриона и ждать дезинтеграции.

Но другая часть его — «ржавчина», «аномалия», вирус — тянулась к этому свету, как мотылек.

Он дополз до края.

Он высунул морду в пролом.

И его мир перестал существовать.

Это был не огонь.

Это было небо.

Огромное, бесконечное, давящее.

Оно не было красным. Оно было серым. Тяжелым, как мокрый базальт, но живым. По нему неслись рваные клочья чего-то белого (Рекс не знал слова «облака»).

А источником того луча, который он видел, было...

Солнце.

Бледный, больной, желтоватый диск, размытый смогом Мегаполиса, висящего где-то в невообразимой высоте. Но это был свет. Настоящий, небесный свет, не имеющий ничего общего с биолюминесценцией пещер.

Рекс вцепился когтями в край трещины.

Его гребень, сломанный при падении, кровоточил. Он не чувствовал этого. Всё его существо было поглощено одним процессом — обработкой визуальной информации.

Небо.

Оно было глубоким. В Улье не было глубины, там были только стены. А здесь... здесь взгляд проваливался в бесконечность, и это вызывало тошноту и экстаз одновременно.

Внезапно тень упала на него.

Она была огромной. Она закрыла собой серый диск солнца.

Рекс замер.

Его глаза, привыкшие к полумраку, сфокусировались на объекте.

Это был не камень.

Это была машина.

Огромный, черный, геометрически правильный силуэт. Он двигался медленно, с хищной грацией, проплывая над местом обвала.

Он был в десятки раз больше любого туннеля Улья.

На его боку, освещенная тусклым солнцем, горела зеленая надпись.

Рекс не знал букв, но он узнал символ.

Пирамида с глазом.

А под ней, буквами, которые, казалось, можно было потрогать — они были такими массивными — было выведено слово:

TERRACORP.

Бот «ТерраСогр» патрулировал периметр прорыва.

Он прошел так близко, что Рекс увидел, как бликует на его обшивке свет чужого солнца. Он увидел турели, стволы которых двигались, сканируя руины внизу.

Рекс отшатнулся вглубь шахты.

Он упал на спину, скребя когтями по перегною.

Он видел Ад.

Поверхность, которую Праматерь называла Геенной, существовала.

Но она не была красной от лавы.

Она была серой от бетона.

И в её небе плавали не демоны.
Там плавали стальные акулы с зелеными глазами.

Он провалился из одного пекла в другое.
Из стерильного концлагеря — в радиоактивные руины, принадлежащие корпорациям.

Но когда его дыхание выровнялось, а боль в сломанных костях стала тупой и фоновой, Рекс-734 осознал одну странную, пугающую вещь.

Там, в Улье, он был никем. Нейронным узлом. Функцией.
Здесь, в темноте древней шахты, освещенной лучом запретного солнца, под взглядом стальной акулы...

Он был один.
Он дышал.
Он чувствовал, как его трехкамерное сердце качает кровь в сломанную ключицу.
Он чувствовал, как пахнет гниль и озон.

Он не был «Индексом».
Он был Рексом.

И впервые в жизни этот факт не казался ему ошибкой.

Он улыбнулся.
Это была не та блаженная улыбка идиота после Синхронизации.
Это был оскал.
Оскал существа, которое потеряло всё, включая свою природу, и обнаружило, что на пепелище можно стоять на собственных ногах.

Где-то далеко наверху, в недрах Улья, Тиранна, наверное, уже отдала приказ о его дезинтеграции.
Пусть.
Он больше не стоял в её очереди.

Трещина в камне стала трещиной в его судьбе.
И пути назад не было.

Глава 5. Мир Обезьян

Эпиграф: «Свобода — это просто более просторная клетка с более ярким освещением и правом выбирать, в какой угол испражняться». — Из уличных граффити Нижнего Мегаполиса, Сектор 13.

Воздух ударил его, как таран.

В Улье вентиляция была искусством. Миллионы лет эволюции систем очистки создали атмосферу, которая была не просто пригодной для дыхания — она была идеальной. Стерильный озон, ионизированные частицы, легкий привкус кальция, укрепляющего чешую. Воздух Улья был частью Коллектива, он обволакивал, успокаивал, синхронизировал.

Воздух Поверхности попытался убить Рекса-734 в первую же секунду.

Он вывалился из ржавой трубы, рухнув на решетку, которая прогнулась под его весом с жалобным скрежетом. Удар о металл выбил остатки воздуха из пробитых легких. Боль в сломанной ключице и разорванном бедре, которую он держал в узде выбросом адреналина, вспыхнула с новой силой, превращая мир в калейдоскоп красных пятен.

Но хуже всего был запах.

Это была не Геенна. Это было нечто более отвратительное. Здесь не было запаха камня, озона или даже простой органической гнили. Воздух был густым, маслянистым, пропитанным химией. Рекс-734, чей нос был атрофирован за ненужностью в стерильных туннелях, сейчас ощущал каждый молекулярный слой этой вони. Сладковатый дым «Сияния» — дешевого синтетического наркотика, сжигающего нейроны бедняков. Кислый запах перегретого пластика от тысяч километров неоновых труб. И под всем этим — тяжелый, медный привкус человеческой крови и немытых тел.

Рекс перевернулся на живот, скребя когтями по ржавой решетке. Он выполз из трубы, как выкидыш из чрева металлического зверя.

Он ожидал увидеть Геенну. Катехизис Улья обещал жидкий камень, реки лавы и огненные вихри. Он ожидал смерти.

Вместо этого он увидел Бездну.

Мегаполис 2245 года не спал. Мегаполис никогда не спал, он лишь пульсировал в агонии.

Рекс лежал на краю технического уступа, в тени гигантской голографической арки. Прямо под ним, на дне каньона из феррокрита и армированного стекла, текла река огней. Нижние уровни. «Кишка». Место, куда стекались отходы Верхнего города.

Свет здесь был живым. Он не просто освещал — он насиловал сетчатку.

Слева от Рекса огромная проекция Уоррена «Бакса» Баксмана, размером с жилой блок, улыбалась во все тридцать два идеально ровных, явно клонированных зуба. Голограмма держала в руках золотой куб, который вращался, источая виртуальные лучи.

— TerraCorp не дает вам кредит! — вещал Бакс, и его голос был настолько чистым, что пробивался сквозь гул заводов и вой сирен. — Мы даем вам возможность купить ваше собственное величие! Нулевой процент! Нулевой риск! Покупай сейчас, страдай потом!

Рекс прижался к холодному металлу. Его гребень, сломанный при падении, кровоточил, но он этого не чувствовал. Всё его существо, весь его гениальный мозг Археотектоника, был занят одной задачей: попыткой обработать входящий визуальный поток.

В Улье всё имело смысл. Каждый туннель был прямой линией. Каждый индекс знал свое место. Здесь же...

Внизу, в грязи, освещенные лишь мерцающим розовым неоном борделя, копошились люди. Их были тысячи. Они не двигались в унисон. Это был хаос. Рой насекомых, запертых в стеклянной банке.

Рекс переключил свой визор в режим эхолокации, пытаясь «слушать» камень, как привык. Но камня не было. Был только металл и стекло. И они вибрировали от низкочастотного гула магнитных трасс, по которым проносились аэрокары Верхнего города — недостижимые, сияющие иглы, скользящие над головами копошащейся внизу массы.

Он пополз вдоль трубы. Его движения были механическими. Инстинкт «Индекса» кричал: «Замри. Стань невидимым. Лишнее движение — неэффективность». Но здесь это не работало.

Мимо пролетел патрульный дрон «TerraCorp». Черный, похожий на хищного ската, с красными сканерами глаз.

Луч лазера скользнул по телу Рекса.

«Био-сигнатура не распознана. Классификация: Мусор. Уровень угрозы: Ноль».

Дрон даже не замедлился. Он просто облетел препятствие, продолжая транслировать рекламу: «Обнови свой чип-кредит сегодня! Получи бесплатную порцию синтетического геля!»

В Улье Рекс был «Эталонным индексом». Здесь он был грязью. Пылью на ботинке корпорации.

Он нашел укрытие под рухнувшей эстакадой магнитной дороги. Здесь воздух был еще хуже — застоявшийся, с привкусом озона и жженой изоляции. Рекс заполз в тень, волоча за собой нерабочую левую лапу.

Именно там он впервые увидел их вблизи. Не как массу. Как особей.

Двое людей сидели у костра, сделанного из жженой изоляции. Они грели руки над химическим грелкой.

Один из них — старик, чья кожа была покрыта гнойниками от кислотных дождей — держал в руках тубу. Он прижал её к шее, нажал кнопку. Раздалось тихое шипение.

Старик затрясся в экстазе. Его глаза закатились.

— «Сияние»... — прохрипел он. — Сегодня я чувствую себя... свободным.

Второй, подросток с выбритым висками, на которых светилась татуировка «Долг: 50 000 кредитов», сплюнул.

— Свободным? Ты должен TerraCorp свою селезенку, старик. Твоя свобода умрет, когда они пришлют коллекторов.

Рекс замер. Его мозг, привыкший к абсолютной логике Коллектива, столкнулся с парадоксом, который не мог вычислить.

В Улье «долг» был невозможен. Индекс либо выполнял норму, либо его пускали на питательный гель. Это было рационально. Это был круговорот энергии.

Здесь... здесь люди «покупали» то, чего у них не было. Они брали «кредиты» — цифры в воздухе — и отдавали за них части своих тел.

«Один. Второй. Обмен. Прибавление без затраты ресурса».

Фраза, пойманная его кристаллом в Главе 1, зазвучала в голове набатом.

«Buy one get one free».

Они не просто предлагали вторую порцию бесплатно. Они предлагали жизнь в долг, превращая само существование в товар.

Рекс издал низкий, горловой звук. Звук абсолютного, космического непонимания. Старик у костра вздрогнул и посмотрел в его сторону.

Его глаза расширились. Он не закричал. В Нижнем городе крики были признаком слабости, привлекающей дронов. Старик просто замер, его лицо стало серым. Он медленно, очень медленно, потянулся к куску арматуры.

— У нас тут нет геля, чешуйчатый, — прошептал старик. Его голос дрожал, но в нем не было страха смерти, только усталость. — Но если ты пришел за моей рукой, забирай. Она всё равно гниет. Только не трогай парня. Ему еще долг платить.

Рекс смотрел на человека. Он не чувствовал голода. Его метаболизм, перестроенный на геотермальную энергию, сейчас пытался справиться с человеческим ядом в воздухе, сжигая остатки тканей.

Он не пришел за рукой.

Он пришел, потому что его мир рухнул, и он пытался найти опору в новом.

Он медленно поднял здоровую правую лапу. Раскрыл когтистую ладонь.

В центре ладони лежал его личный инфо-кристалл. Граненый кварц, пульсирующий тусклым фиолетовым светом.

Старик моргнул.

— Что это?

— Музыка, — прохрипел Рекс. Его речевой аппарат не был приспособлен для человеческой речи, но вокодер на шее, модифицированный им втайне от Тиранны, перевел базовую гармонику.

Старик смотрел то на кристалл, то в глаза динозавра. Он не видел в них безумия мутанта. Он видел там что-то другое. Что-то настолько чуждое этому месту, что это пугало больше, чем клыки.

Старик опустил арматуру.

— Ты не из Корпоративной зоны, — сказал он. — У тебя... чистые глаза.

Рекс не понял слова «чистые». В Улье глаза были либо функциональны, либо нет. Но он понял интонацию. Старик увидел в нем не хищника. Он увидел изгоя.

Рекс полз дальше, уходя от костра. Он двигался по фасадам зданий. Для существа, созданного для лазания по отвесным базальтовым стенам, стекло и бетон с торчащей арматурой были идеальной поверхностью. Он полз вверх, прочь от вони «Кишки», прочь от голограмм Бакса.

Он полз на уровень «Середины».

Здесь было чуть тише. Здесь жили те, кто еще не упал на дно, но уже никогда не увидит солнца.

Рекс заглянул в окно жилого модуля.

Внутри, в капсуле площадью два на два метра, сидела женщина. Она смотрела в стену. На стене не было экрана, но её глаза двигались — она была подключена к нейро-сети через дешевый порт в затылке.

Рядом с ней, в углу, стоял контейнер. На нем мигала надпись: «КВАРТИРНЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ СБОР. ОТКЛЮЧЕНИЕ КИСЛОРОДА ЧЕРЕЗ 02:14:00».

Женщина не плакала. Она просто смотрела в стену. Её пальцы методично стучали по колену.

Тук. Пауза. Тук. Пауза.

Частота 74 герца.

Та самая частота.

Инвертированная логика TerraCorp.

Она отбивала ритм своего долга.

Рекс отшатнулся от окна. Его стошнило желчью прямо на козырек магазина.

«Мы выжили не для того, чтобы помнить. Мы выжили для того, чтобы строить», — всплыл в памяти Манифест Праматери.

Что строили здесь?

Они строили Башню Долгов. Каждый человек был кирпичом, который платил за право держать на себе вес другого кирпича.

Он добрался до уровня, где смог стал настолько густым, что превратил неоновый свет в кровавую кашу. Это было дно. Уровень земли. Место, куда десятилетиями не заглядывало солнце, скрытое смогом и верхними ярусами.

Здесь жили «Пустые». Те, у кого забрали всё, включая чипы-кредиты.

Они сидели вдоль стен, похожие на груды тряпья. Многие из них уже не двигались.

Рекс-734, Археотектоник Первого Ранга, идеальная машина для выживания, почувствовал ледяной ужас.

В Улье смерть была функцией. Тебя растворяли в геле, чтобы накормить Коллектив. Это было логично.

Здесь смерть была просто... мусором.

Человек умирал в луже, и его тело оставалось там, пока дроны-уборщики не спишут его как «биологический отход 4-й категории».

Он слышал звук.

Не рычание. Не крик.

Тихий, ритмичный скрежет металла о металл.

Шкррр... Шкррр...

Звук шел из-под остова огромного рекламного дрона, разбившегося здесь, видимо, сто лет назад. Дрон был сделан в виде ангела — у него были огромные крылья из неоновых трубок, но сейчас они были сломаны, и из них торчали искрящие провода.

Рекс подполз ближе.

Там, в тени крыльев, копошилась маленькая фигурка.

Она была одета в лохмотья, сшитые из световолокна — ткани, которая должна была светиться, но сейчас лишь тускло тлела. На глазах у существа были массивные AR-линзы, покрытые трещинами. Даже сейчас, копаясь в мусоре, она получала спам.

«КУПИ СВОБОДУ! ВСЕГО 999 КРЕДИТОВ В МЕСЯЦ!» — мигала надпись на её линзах.

Это была Маруся.

Она вытащила из чрева мертвого ангела пучок оптического волокна и радостно зашипела. Для неё это была удача. Еда на неделю или пара кредитов на черном рынке.

Она выпрямилась.
И увидела его.

Огромную, окровавленную тварь, покрытую грязью и слизью, с торчащей из бедра стальной балкой.

Маруся не закричала.

В Нижнем городе кричали только те, кто хотел умереть быстро. Она просто замерла, её рука медленно поползла к поясу. Там был закреплен кусок арматуры с привязанной к нему батареей — самодельный шокер.

— Ну привет, красавчик, — хрипло сказала она. Голос у неё был сорван, но в нем слышалась насмешка. — Ты не из зоопарка Верхнего города. Там звери чище.

Рекс зарычал. Это был рефлекс. Но звук получился слабым, булькающим. Пробитое легкое дало о себе знать. Он пошатнулся.

Его левая лапа подогнулась.

Огромная туша Археотектоника, способного удерживать своды пещер, рухнула на колени с грохотом, от которого задрожал бетон.

Маруся не выстрелила.

Она смотрела, как это совершенное, древнее создание — живое ископаемое — задыхается в её грязи.

Она увидела, как его гребень — этот атавистический, костяной венец — дрожит в такт его судорожному дыханию.

— Твою мать, — выдохнула она. — Ты же реально болеешь.

Она подошла ближе. Ближе, чем позволял инстинкт самосохранения.

Она присела на корточки, вглядываясь в его морду.

— У тебя в глазах нет рекламы, — тихо сказала она. — Это странно. У всех внизу в глазах реклама. Или молитва Доллару. А у тебя... у тебя там Геенна.

Рекс смотрел на неё.

Её линзы транслировали спам о дешевых протезах, но её живые глаза под ними были старыми. Слишком старыми для её, на вид, двадцати лет.

Она достала из кармана шприц с мутной жидкостью.

— Антибиотик. Синтетика. Дрянь, конечно, но лучше, чем сепсис.

Она шагнула к нему.

Рекс попытался отстраниться. Его мозг кричал об опасности. Чужая химия. Незвестный патоген.

Но сил не было.

Маруся без страха схватила его за израненную лапу.

— Не дергайся, ящер, а то я тебе вену не найду. У вас же там чешуя...

Она профессионально, как заправский медик трущоб, ввела иглу в мышцу у основания когтя. Нажала поршень.

Рекс вздрогнул. Лекарство обожгло его изнутри. Его метаболизм, настроенный на чистое геотермальное питание, воспринял человеческую химию как агрессию. По венам пошел жар.

— Терпи, — буркнула Маруся. — Сейчас будет весело.

Она отошла на шаг и скрестила руки.

— Ладно. Говори. Ты сбежал из цирка? Или ты один из тех био-дронов, которых Бакс тестирует для охраны?

Рекс смотрел на неё. Его нейро-чип, модифицированный для записи музыки камня, имел базовый протокол перевода. Он не понимал слов, но считывал намерения и базовые фонемы.

Он открыл пасть.

Его вокодер, поврежденный при падении, зашипел статикой.

— Улей... — выдавил он. — Тишина. Справедливость.

Маруся моргнула. Линзы на секунду перезагрузились, прерывая поток спама.

— Улей? — она усмехнулась. — Ты сектант? Из тех, что живут в канализации и ждут, когда Бакс спустится к ним проповедовать?

Она подошла к его поясу. Там, в специальном зажиме, всё еще висел инфо-кристалл Рекса.

Маруся замерла.

Её глаза за линзами расширились.

— А вот это... это уже интересно.

Она протянула руку.

Рекс зарычал. Это был его единственный артефакт. Его связь с Коллективом, которую он предал. Его музыка.

— Не трогай, — прохрипел он. — Память.

Маруся отдернула руку, словно обожглась. Она посмотрела на кристалл, потом на лицо динозавра.

— Память? — её голос изменился. В нем исчезла уличная бравада. — Ты хочешь сказать, что эта стекляшка... она помнит?

Она села на кусок бетона, обхватив колени.

— Знаешь, чешуйчатый, в мире Обезьян память — это роскошь. У меня её забрали, когда мне было восемь. Пришли коллекторы TerraCorp. Сказали, что мой отец задолжал за воздух. Они не убили его. Они просто стерли его ID из базы.

Она ткнула пальцем в свою шею, где под кожей едва заметно светился чип.

— Теперь он призрак. Он дышит, он ест, но его нет. Система его не видит. Для них он мусор.

Она подняла взгляд на Рекса. В её глазах не было слез. Слезы — это трата влаги.

— Так что ты там говорил про Справедливость?

Рекс закрыл глаза.

Адреналин отступал, уступая место боли и действию синтетики. Его мир сузился до размеров этой крыши, этого смога и этой маленькой, грязной обезьяны, которая говорила о вещах, ломающих его логику.

Он открыл глаза.
Ему нужен был воздух. Настоящий.
Он пополз к краю крыши. Маруся не остановила его.

Он выполз на край.
И посмотрел вверх.

Неба не было.
Была Свинцовая Крышка.
Сплошной слой смога, подсвеченный снизу неонами, а сверху — редкими прожекторами аэрокаров. Солнца не существовало. Для жителей дна оно было мифом, сказкой из старых книг.

А над Крышкой...
Рекс активировал оптический зум своего визора.
Он увидел Элизиум.
Верхний город.

Это был другой мир.
Там, на высоте в километр, среди облаков, парили сады. Настоящие деревья. Белые здания, похожие на корабли.
И между ними, игнорируя гравитацию, ходили люди.
Они не были одеты в лохмотья. Их одежда струилась, меняла цвет. Их лица были спокойны.

Один из них, стоя на балконе парящего пентхауса, бросил вниз, в «Кишку», недопитый стакан с какой-то голубой жидкостью.

Стакан пролетел сто этажей и разбился о голову мертвого «Пустого», лежащего в грязи.
Человек в Элизиуме даже не посмотрел вниз. Он отвернулся и поцеловал другого человека.

Рекс-734 почувствовал, как что-то внутри него ломается.
Не кость.
Идеология.

В Улье Праматерь была тираном. Она забрала их имена, их семьи, их прошлое. Но она дала им гель. Она дала им воздух. Она дала им вечность в Коллективе. Там не было голодных, пока работал реактор.

Здесь...
Здесь Бакс улыбался с голограмм и говорил о свободе. А внизу люди продавали свои почки за порцию серой пасты.

— Они больны, — прошептал Рекс. Его вокодер перевел это как низкочастотный, вибрирующий гул.

Маруся подошла и встала рядом. Она тоже смотрела вверх.

— Нет, чешуйчатый, — тихо сказала она. — Это не болезнь. Это бизнес-план.

Она достала сигарету. Дешевую, из прессованного чая и химии. Закурила.

— Бакс говорит, что мы все можем стать как они. — Она кивнула на Элизиум. — Если будем много работать.

Она выпустила дым, который тут же растворился в смоге.

— Но чтобы работать, нужно дышать. А воздух платный. Чтобы дышать, нужно есть. А еда платная. Чтобы есть, нужно взять кредит. А кредит... — она постучала по своему чипу. — Кредит делает тебя рабом.

Она бросила окурок вниз, в бездну «Кишки».

— Добро пожаловать в Мир Обезьян, красавчик. Здесь наверху едят таких, как ты. Огромных, мясистых, с чистой ДНК. Бакс сделает из тебя элитный деликатес или новое кресло для своего борделя.

Она перевела взгляд на Рекса. Её глаза в свете неона казались черными.

— А внизу... внизу едят таких, как я. По кусочкам. Каждый день.

Рекс смотрел на неё. На её сгорбленные плечи. На её руки, покрытые шрамами от ожогов проводкой.

Он вспомнил 442-ю. Вспомнил Индекс-118, отдавший свой паёк.

Коллектив был жесток. Но в его жестокости была логика выживания.

В жестокости Бакса была логика прибыли.

Рекс издал звук.

Это был не рык.

Это был стон.

Низкий, вибрирующий звук, который прошел сквозь бетон крыши. Звук существа, которое нашло Ад, и этот Ад оказался не красным от лавы, а освещенным неоном и пахнущим дешевыми духами.

Маруся посмотрела на него. Впервые за весь вечер она не увидела в нем монстра.

Она увидела зеркало.

Огромное, покрытое чешуей зеркало, которое отразило всю абсурдность её мира так четко, что это было больше любого удара.

— Пошли, — сказала она, гася сигарету о бетон. — Если дроны увидят тебя здесь, через пять минут тут будет армия TerraCorp.

— Куда? — прохрипел Рекс.

— Ко мне. В Собор. Там есть фильтры. И нет спама. Почти.

Она пошла к лестнице, ведущей вниз, в утробу здания.

Рекс-734, Археотектоник, идеалист и еретик, посмотрел на свою израненную лапу.

Затем он посмотрел на Элизиум.

Он пришел из-под земли, чтобы найти ответы.

Вместо ответов он нашел бездну.

Но глядя на спину этой маленькой, грязной обезьяны, которая в одиночку воевала против целого мира, он почувствовал кое-что еще.

Это не была радость.
Это не была надежда.
Это была тяжелая, холодная, как базальт, решимость.

Улей научил его слушать камень.
Теперь ему предстояло научиться слушать ложь.

И он был уверен, что его уши уловят каждую фальшивую ноту в симфонии Доллара.

Он пополз за ней, во тьму. В Мир Обезьян.

Глава 6. Первый контакт

Эпиграф: «Когда ты смотришь в бездну, бездна надевает на тебя VR-шлем и предлагает оформить рассрочку». — Из дневника Маруси, Сектор 13.

Вонь ударила в ноздри раньше, чем сознание окончательно вернулось в тело.

В Улье воздух был симфонией. Здесь же это была какофония распада. Рекс-734 дернулся, и тысячи игл боли вонзились в его нервную систему. Левая передняя лапа онемела. Бедро, пробитое арматурой в Главе 4, пульсировало жаром, который не был похож на контролируемый жар Геотермального Источника. Это была чужая, грязная лихорадка — реакция его идеального, стерильного метаболизма на человеческие антибиотики, которые Маруся вколола ему в Соборе.

Собор.

Рекс открыл глаза.

Он не был в Улье. Он не был в шахте.
Он был в утробе мертвого бога.

Своды помещения, напоминающего неф готического собора, были сплетены из ржавых труб, диаметр которых превышал рост человека. По ним, с тихим, ритмичным кап-кап, сочилась вода — густая, маслянистая, светящаяся в полумраке токсичным зеленым цветом. Стены были покрыты не фресками, а слоями облупившейся краски, под которой проступали логотипы корпораций, давно поглощенных TerraCorp.

И везде был кабель.

Оптическое волокно свисало с потолка, как исполинская паутина, мерцающая остаточным трафиком. Старые серверные стойки, перевернутые и заросшие странным, фосфоресцирующим мхом, образовывали алтарь в центре зала.

И посреди этого алтаря лежал он.

Рекс попытался встать. Его гребень — костяная корона Археотектоника — врезался в трубу паропровода. Раздался оглушительный свист. Облако горячего, вонючего пара ударило в морду.

Рекс отшатнулся, врезавшись спиной в другую конструкцию. С потолка с грохотом рухнула полусгнившая металлическая балка.

— Да чтоб тебя, динозавр! Угробить меня решил?!

Голос ударил сбоку. Человеческий. Женский. Хриплый, как наждачная бумага.

Рекс резко повернул голову, взметнув хвостом облако пыли.

В пяти метрах от него, на перевернутом пластиковом ящике, сидела Маруся.

Она выглядела так, словно Собор был её коконом. На ней был жилет из кевлара, залатанный кусками рекламных баннеров, и штаны, перемазанные машинным маслом. На глазах — массивные AR-линзы, которые постоянно транслировали бегущую строку, но сейчас она была отключена, и линзы казались просто непрозрачными черными дисками.

В руках она держала плазменный резак. Из сопла вырывался синий язычок пламени, которым она методично срезала куски арматуры, преграждавшие ей путь к её спальному гамаку.

— Ты мне тут всю проводку раздавишь, чешуйчатый, — проворчала она, не глядя на него, продолжая резать металл. — Я тебя, конечно, вытащила из-под дронов, но это не значит, что ты можешь вести себя как Годзилла на свадьбе. У меня тут убежище, а не парковка для мутантов.

Рекс издал звук. Низкий, вибрирующий рокот, который в Улье означал бы «Внимание. Аномалия». Но здесь, в Соборе, звук просто заставил сойти пласт штукатурки.

Маруся наконец выключила резак и повернулась к нему.

Её глаза за линзами моргнули.

— О. Проснулся. Ну, привет, красавчик. Как тебе тур в Нижний город? Надеюсь, сервис TerraCorp оправдал ожидания?

Она прыгнула с ящика. При её маленьком росте она едва доставала Рексу до колена. Она подошла ближе, бесстрашно, с любопытством механика, осматривающего новый, странный двигатель.

— Интересная бионика, — она ткнула пальцем в его бедро, где всё ещё торчал кусок ржавой арматуры. — Самовосстанавливающаяся чешуя? Или это просто керамика? Не дергайся, я просто смотрю.

Рекс зарычал. Инстинкт «Индекса» требовал наказать её за нарушение личного пространства. Но другая часть его — та самая «ржавчина», о которой говорил Баг — заставила его замереть.

Он смотрел на неё сверху вниз.

На её грязное лицо.

На её пальцы с черными каемками под ногтями.

На её абсолютную, самоубийственную наглость.

В Улье не было наглых. Были эффективные и неэффективные. Маруся не вписывалась ни в одну категорию.

— Больно, — прохрипел Рекс.

Его вокодер, поврежденный при падении и обожженный плазмой дронов, с трудом модулировал человеческую речь. Слово вышло скрежещущим, похожим на звук ломающегося базальта.

Маруся замерла. Линзы на её глазах моргнули, перезагружаясь, и на секунду Рекс увидел её настоящие зрачки — расширенные, удивленные.

— Ты... говоришь?

— Больно, — повторил Рекс. Это было единственное слово из её лексикона, которое его нейро-чип успел проанализировать и перевести за те несколько минут, что она тащила его в Собор.

Маруся фыркнула. Она обошла его по кругу, перешагивая через лужи токсичной воды.

— Ну, поздравляю с обретением дара речи. Теперь, может, слезешь с моего генератора? Ты своим весом уже просадил частоту сети до уровня каменного века.

Рекс попытался пошевелиться. Он только сейчас осознал масштаб проблемы.

Собор был высотой метров пять.

Рекс в холке был три метра.

Длина его тела, от кончика носа до кончика хвоста, составляла почти семь метров.

Он лежал, свернувшись, но его хвост всё равно упирался в алтарь из серверов, а голова — в стену с другой стороны.

Он был заперт.

Попытка встать привела к тому, что он снова задел трубу. Снова свист пара.

— Мать твою! — Маруся бросилась к вентилю и с силой крутанула его, перекрывая утечку. — Ты же Археотектоник, да? Великий слушатель камня? Так послушай: ты сейчас в гробу из ржавчины. Дыши медленнее. Твой горячий пар меня бесит.

Она вернулась к нему и бесцеремонно пнула его в бронированное колено.

— Эй. Хватит дергаться. Ты мне тут всё развалишь. Жрать хочешь?

Рекс не знал слова «жрать», но желудок — три камеры, работающие сейчас в аварийном режиме — свело спазмом. Он не ел с момента Великого Смотра.

Маруся хмыкнула. Она подошла к своему «алтарю» из серверов и с трудом отодвинула в сторону тяжелый блок питания. Под ним, в герметичном контейнере, лежала туба.

— Держи, — она кинула её Рексу. — Это твой гель. Мы, люди, таким не питаемся, но я нашла его в брюхе одного из дронов Бакса. Думала продать, но, глядя на тебя, понимаю, что ты его отработал.

Рекс поймал тубу когтистой лапой. Контейнер казался игрушечным в его пальцах. Он поднес его к пасти.

Запах.

Сладкий. Ионизированный. Идеальный.

Это был вкус Улья. Вкус дома. Вкус Коллектива, который его предал.

Он выдавил порцию в пасть.

Гель потек по горлу. Его метаболизм, находившийся в состоянии шока от человеческого яда, жадно впитал энергию. Боль в бедре немного отступила, сменившись привычным, ровным теплом.

Маруся наблюдала за ним, жуя кусок синтетического батончика.

— Слушай, динозавр... Я не знаю, откуда ты вылез. Из канализации? Из лаборатории Бакса? Но ты должен понимать. Собор — это нейтральная территория. Сюда не суются «Синие воротнички», потому что тут радиация от старых реакторов такая, что у них шестерни плавятся. Но они придут. Они всегда приходят.

Она посмотрела на свой визор, встроенный в рукав.

— А я, видишь ли, на прошлой неделе немного... пошалила. Обнулила счет одному бедолаге в «Кишке». TerraCorp это не понравилось. Они прислали аудит.

В этот момент Собор содрогнулся.

Удар был не сверху. Он пришел со стороны входа — затопленной арки, ведущей в «Кишку» Нижнего города.

Звук был тяжелым, механическим. Скрежет металла о камень.

ГРРРРР... ШШШШ... БАМ.

Маруся вскочила. Её расслабленность исчезла мгновенно, сменившись хищной, загнанной в угол настороженностью.

— Вот и аудит, — прошептала она.

Она метнулась к груде хлама и выхватила оттуда массивную плазменную винтовку. Старая модель, тяжелая, с водяным охлаждением, которая была так, что плавил бетон.

— Сиди здесь, — бросила она Рексу. — И не дыши. Твой гребень светится в ИК-диапазоне, как новогодняя елка.

Она заняла позицию за перевернутым броневином, направив ствол винтовки на вход.

Рекс замер.

Его Археотектонический слух, который в Ульяе позволял слышать микротрещины за километры, сейчас работал на полную мощность.

Он слышал их.

Три объекта.

Тяжелые. Гусеничный ход.

Вибрация пола. 12.5 герц.

Вход в Собор озарился синим светом.

В проломе появилась фигура.

Это был не человек.

Это был «Синий воротничок». Сборщик TerraCorp.

Дрон высотой в два человеческих роста, похожий на помесь богомола и хирургического робота. Его корпус был матово-синим, цвета корпоративного логотипа. Вместо головы — полусфера из бронированного стекла, за которой горел холодный красный сканер.

Манипуляторы дрона — тонкие, многосуставчатые, заканчивающиеся инструментами, которые могли одновременно вскрыть череп и зашить рану — были прижаты к корпусу в «походном» режиме.

«ГРАЖДАНИН МАРУСЯ. ИДЕНТИФИКАТОР 774-ВЕТА», — раздался голос из внешних динамиков дрона. Голос был лишен эмоций, идеально модулирован. — ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ В СЕКТОРЕ 13 НЕЗАКОННО. ВАШ КРЕДИТНЫЙ РЕЙТИНГ: МИНУС ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ. ПРЕДЛАГАЕМ ДОБРОВОЛЬНУЮ СДАЧУ ОРГАНОВ ДЛЯ ПОГАШЕНИЯ ПЯТНАДЦАТИ ПРОЦЕНТОВ ДОЛГА. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕССМЫСЛЕННО».

Маруся прицелилась.

— Пошел в задницу, жестянка. Я плачу наличными.

Она нажала на спуск.

Сгусток плазмы вырвался из ствола. Он летел прямо в красный сканер дрона.

Но «Синий воротничок» не был тупой машиной.

Он не пытался уклониться.

Он просто выставил вперед левую «руку».

Сгусток плазмы ударил в нагрудную пластину. Раздался визг испарившегося металла.

Пластина покраснела, но выдержала.

Дрон даже не замедлился.

«ОШИБКА. ПЕРЕГОВОРЫ ОТМЕНЯЮТСЯ. ПЕРЕХОД К ПРОЦЕДУРЕ ИЗЪЯТИЯ».

Манипуляторы дрона выдвинулись вперед, превращаясь в лезвия.

Он шагнул внутрь Собора.

За ним вошли еще двое.

Рекс почувствовал, как внутри него что-то щелкнуло.

Это не был страх.

В Улье страх был неэффективен.

Это был протокол.

«Угроза ресурсу».

В Коллективе «ресурсом» была энергия, порода, стабильность.

Здесь, в этом грязном, вонючем Соборе, Рекс-734 внезапно осознал: его ресурс — это она.

Эта маленькая, дерзкая обезьяна, которая не боится смотреть в глаза смерти и называть её «жестянкой».

Он издал звук.

Низкий, утробный рык, который не имел ничего общего с человеческим языком. Это был звук камня, готового обрушиться.

Маруся бросила на него быстрый взгляд через плечо.
— Какого черта ты...

Договорить она не успела.

Рекс не стал вставать.
Вставать в Соборе было бессмысленно — он бы просто застрял.
Он использовал то, что у него было.
Хвост.

Оружие Археотектоника.
Хвост, способный проломить базальт, ударил по центральной опорной колонне Собора.

Древний бетон, ослабленный столетиями влаги и токсичных стоков, не выдержал.
Колонна взорвалась облаком пыли и арматуры.
Потолок дрогнул.

«СТРУКТУРНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ», — констатировал первый дрон, его сканер обвел трещины в потолке. — ПЕРЕОЦЕНКА РИСКОВ...»

Он не успел закончить.
Рекс, лежа на полу, извернулся, как змея.
Он схватил левой, здоровой лапой кусок феррокритовой плиты — часть рухнувшего алтаря серверов. Вес плиты составлял около тонны.

Для Рекса это был вес небольшого валуна.

Он швырнул её.

Плита не полетела. Она пронеслась по воздуху, как снаряд.
Она ударила первого «Синих воротничка» в бок.
Раздался звук, с которым поезд сходит с рельсов.
Дрона отбросило на пять метров. Он врезался в стену из труб, и гейзер зеленого токсина ударил в его разбитый купол.
Дрон заискрил и обвис.

Второй и третий дроны мгновенно развернулись.
Их системы наведения захватили цель.
«БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА. КЛАСС: КА-ТЭ-4. ПРИОРИТЕТ: УНИЧТОЖЕНИЕ».

Они открыли огонь.
Не из плазмы. Из нейро-дротиков.
Тонкие иглы, светящиеся фиолетовым, со свистом рассекали воздух.

Рекс перекатился, прикрывая своим телом Марусю, которая всё еще пыталась перезарядить винтовку, ругаясь на заклинивший затвор.

Дротики ударили в его спину.

Они не пробили основную броню — чешую Археотектоника. Но они вонзились в стыки.
В основание гребня.
В подмышечную впадину.

Химический состав дротиков был рассчитан на людей. Мощный нейротоксин, вызывающий мгновенный паралич.

Для Рекса это было... странно.

Его метаболизм начал сжигать яд, но это требовало энергии. Его мышцы свело судорогой.

Второй дрон ринулся вперед. Его манипуляторы-лезвия были готовы расчленить ящера.

Рекс зарычал. Боль от дротиков смешалась с яростью.

Он не был воином. Он был инженером.

Он не умел рвать плоть. Он умел находить слабые точки в структуре.

Дрон занес манипулятор.

Рекс, лежа на боку, выбросил вперед здоровую правую лапу.

Он не целился в броню.

Он целился в «запястье» дрона.

Туда, где сходились три силовых кабеля, питающих клешню.

Его коготь — острый, как алмазное сверло, — пробил гофрированную защиту.

Раздался хлопок.

Искры.

Манипулятор дрона дернулся и безвольно повис.

Сервоприводы задымились.

«ПОВРЕЖДЕНИЕ КОНЕЧНОСТИ. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА РЕЗЕРВ...» — начал дрон.

Рекс не дал ему переключиться.

Он схватил дрона за «горло» — за полусферу сканера — и сжал.

Керамит треснул.

Рекс надавил.

Послышался звук лопающегося стекла.

Красный сканер погас.

Третий дрон, самый быстрый, зашел сзади.

Он не стал использовать оружие. Он прыгнул на спину Рексу, пытаясь вдавить его в пол своим весом и пробить шейные позвонки.

Рекс почувствовал тяжесть.

Его позвоночник затрещал.

Но он был Археотектоником. Он держал своды пещер.

Он изогнулся дугой, пытаясь сбросить дрона.

Маруся, наконец, справилась с винтовкой.

— Голову! — крикнула она. — Бей в затылок! Там охладитель!

Рекс не мог дотянуться до третьего дрона. Тот сидел слишком высоко, вцепившись манипуляторами в его гребень.

Тогда Рекс сделал единственное, что мог.

Он рухнул на спину.

Удар о пол Собора был подобен землетрясению.

Своды треснули.

С потолка посыпались трубы.

Дрон, не имеющий антигравов, не успел среагировать.

Его раздавило весом Рекса.

Раздался визг сминаемого металла.

Синяя гидравлика брызнула во все стороны.

Тишина.

В Соборе пахло озоном, кровью, зеленым токсином и паленой керамитовой броней.

Рекс лежал, придавив собой обломки двух дронов. Третий всё еще искрил у стены.

Его тело горело. Яд нейро-дротиков боролся с его регенерацией. Левая лапа онемела окончательно. Из пасти шла пена.

Маруся медленно вышла из-за его хвоста.

Её руки дрожали. Она опустила дымящуюся винтовку.

Она смотрела на него.

На гору мышц, чешуи и ярости, которая только что уничтожила элитный отряд корпоративной безопасности за двенадцать секунд.

— Ну ты и зверь, — выдохнула она.

Она подошла ближе.

Она всё еще думала, что это костюм. Или мутант в тяжелой броне.

Она протянула руку и коснулась его бока, там, где плазменный выстрел дронов оставил черный, оплавленный шрам на чешуе.

— Кто бы тебя ни собрал, он гений. Эта броня...

Её пальцы коснулись края раны.

И в этот момент Маруся совершила ошибку.

Она посмотрела ему в глаза.

Линзы на её лице отразили его морду.

И она увидела.

Она не увидела оптику боевого дрона.

Не увидела желтые линзы мутанта из «Кишки».

Она увидела глаза.

Это были глаза Археотектоника.

Огромные, темные, с вертикальным зрачком, который сейчас был расширен от боли и адреналина.

Но главное — это была радужка.

Она не была однотонной.

В ней переливались оттенки зеленого и золотого, как полированный малахит. И в самой глубине, вокруг зрачка, пульсировала сложная геометрическая структура — фрактальный узор, который был абсолютно, математически правильным.

Это были глаза, которые умели видеть микротрещины в базальте.

Глаза, которые видели формулу «Buy one get one free» как раковую опухоль.

Глаза, которые смотрели на неё не с яростью хищника.

Они смотрели с... пониманием.

Маруся отдернула руку, словно её ударило током.

Она отшатнулась на шаг.

Её черные AR-линзы снова активировались, проецируя на сетчатку бегущую строку, но она, кажется, её не видела.

Она смотрела на Рекса.

На динозавра.

На существо, которое не должно было существовать.

— Ты... — прошептала она. — Ты... настоящий.

Рекс с трудом повернул голову. Каждое движение отдавалось болью.

Он посмотрел на неё.

На её грязное лицо.

На её расширенные от ужаса и изумления человеческие глаза.

Он открыл пасть.

Его вокодер зашипел, пытаясь найти слова.

Но слов не было.

Ни в языке Уля.

Ни в языке людей.

Он просто смотрел на неё.

Первый Индекс, вышедший на Поверхность.

Первая обезьяна, заглянувшая в глаза Камню.

Маруся медленно опустилась на колени прямо в токсичную лужу.

Она больше не смеялась.

Она дрожала всем телом.

Она только что поняла, что её мир — «Кишка», TetraCorp, долги, «Синие воротнички» — это всего лишь аквариум.

И из этого аквариума только что вылезло нечто, для чего стекло не было преградой.

— Мать твою, — прошептала она снова. Но теперь это была не ругань. Это была молитва.
— Что же ты такое?

Рекс закрыл глаза.
Тьма снова начала подступать.
Но теперь это была не тьма Геенны.
Это была просто усталость.

Последнее, что он услышал, прежде чем провалиться в спасительное небытие, был тихий, срывающийся шепот Маруси:

— Ладно, красавчик. Теперь ты официально в долгах передо мной.

Где-то в Нижнем городе выли сирены TerraCorp.
Но в Соборе, в сердце «Кишки», впервые за много лет пахло не только гнилью.
Пахло началом.

Глава 7. Язык Долга

Эпиграф: «В мире Обезьян золото — это просто блестящий мусор. Настоящая валюта — это минута, прожитая без боли». — Из дневника Маруси, Сектор 13.

Тишина в Соборе была другой.

В Улье тишина означала смерть систем. Она была пустотой, которую нужно было немедленно заполнить «Хоралом Благодарности» или ритмом буров. Здесь, в ржавом нутре заброшенной станции очистки, тишина была наполнена звуками.

Кап-кап.

Срывалась капля густой, светящейся зеленым химическим светом воды с проржавевшей трубы, нависшей над головой Рекса-734.

Ш-ш-ш.

Это дышал он сам. Звук был похож на работу кузнечных мехов, но с надрывом. Свистящий, хриплый вдох, за которым следовал булькающий, влажный выдох.

Тук-тук. Тук-тук.

Это было не Великое Сердце планеты. Это был звук человеческого сердца. Маленького, быстрого, находящегося в опасной близости от его собственной, трехкамерной гидравлической системы.

Маруся сидела на перевернутом серверном блоке, поджав ноги. В руках она держала плазменный резак. Сопло всё ещё дымилось, источая запах озона и жженого металла. Напротив неё, занимая собой треть всего пространства Собора, лежал Рекс.

Он выглядел как потерпевший крушение звездолет. Его матовая, поглощающая свет чешуя была покрыта копотью, слизью Нижнего города и его собственной кровью. Левая передняя лапа висела плетью — нейротоксин «Синих воротничков» из Главы 6 всё еще боролся с его регенерацией. В бедре, там, где плазменный выстрел прожег броню, зияла черная, обугленная дыра, затянутая пленкой медицинского полимера.

Маруся сплюнула на пол.

— Не дергайся, Годзилла, — буркнула она, наклоняясь с резак к его боку. — А то я тебе случайно оставшуюся почку отрежу. Хотя... кому она нужна, с твоим-то метаболизмом.

Она включила резак. Синий язычок пламени с шипением коснулся его брони. Рекс вздрогнул всем телом, его гребень из костяных пластин непроизвольно встал дыбом, пробив кожу на затылке.

— Боль, — прохрипел он.

Его вокодер, поврежденный в бою, выдавал слова с задержкой, превращая человеческую речь в скрежет ломающегося базальта.

Маруся не отдернула руку. Она методично срезала оплавленные края чешуи вокруг раны, чтобы нано-клей мог схватиться с живой тканью.

— Это не боль, красавчик, — сказала она, не глядя ему в глаза. — Это «Побочный эффект санации». Терпи. В «Кишке» за такое лечение с тебя сняли бы скальп и продали его скупщикам с Верхнего города. Так что заткнись и благодари TerraCorp за то, что у меня есть этот паяльник.

Она закончила с раной и отодвинулась, тяжело дыша. В воздухе пахло паленым керамиком и антисептиком.

Маруся вытерла пот со лба тыльной стороной ладони.

— Жри, — она кинула ему тубу с концентрированным питательным гелем. Туба пролетела по воздуху и ударилась о его нос.

Рекс открыл пасть. Его челюсти, способные перекусить стальную балку, аккуратно, почти нежно приняли тубу. Он выдавил содержимое в глотку.

Гель.

Вкус дома. Вкус Улья. Вкус Коллектива, который его предал. Но сейчас этот вкус был единственным, что удерживало его нейросеть от полного коллапса.

Маруся наблюдала за ним, жуя свой синтетический батончик.

— Знаешь, в чем разница между нами? — спросила она, пнув кусок арматуры. — Если бы я валялась тут с дыркой в пузе, ты бы просто пошел дальше. Потому что я — не твой «индекс». А ты... ты лежишь тут, потому что я вбила себе в голову, что спасать гигантских ящериц — это весело.

Она спрыгнула с сервера. Её подошвы со стуком ударились о бетон.

— Ты мне должен, чешуйчатый. Ты мне должен за дронов. Ты мне должен за то, что я не сдала твой череп в ломбард Верхнего города.

Рекс медленно повернул голову. Его глаза, огромные, с вертикальным зрачком, сфокусировались на ней. В них не было звериной ярости. В них была тяжелая, аналитическая работа. «Ресурс. Трата. Неэффективно», — прохрипел он.

Маруся фыркнула.

— О, заговорил. «Неэффективно». Ты прямо как мой бывший начальник из колл-центра. «Маруся, твой коэффициент улыбки снижает прибыль сектора».

Она подошла ближе и ткнула его пальцем в чешую на морде.

— Это не трата, динозавр. Это «Инвестиция». Слышал такое слово?

Урок начался на рассвете.

Маруся сидела на ящике из-под патронов, рисуя на пыльном полу Собора схемы куском ржавой арматуры. Рекс лежал, положив огромную голову на лапы, и слушал. Его мозг Археотектоника, привыкший к фрактальным узорам туннелей, сейчас пытался дешифровать самую безумную архитектуру во Вселенной — экономику людей.

— Смотри сюда, — Маруся начертила неровный треугольник. — Это «Пирамида Бакса». Святая троица TerraCorp.

Она ткнула в верхний угол.

— Наверху — Элизиум. Парящие сады. Там живут «Боги». Те, кто придумал кредиты. Они не дышат нашим воздухом, они покупают кислород в баллонах с ароматом лаванды.

Она ткнула в середину.

— Это «Середина». Офисный планктон. Кредиты, квартиры в пять квадратных метров, страховка. Они ненавидят тех, кто внизу, потому что боятся стать ими.

Она ткнула в самый низ, где пол был самым грязным.

— А это «Кишка». Мы. Мясо. Сюда скидывают отходы Верхнего города. Здесь воздух платный.

Она нарисовала еще одну линию, совсем внизу, под «Кишкой».

— А это «Дно». «Пустые».

— Пустые? — вокодер Рекса издал скрежет.

— Это те, кого TerraCorp стерла, — Маруся перестала рисовать. Её голос стал тише, жестче. — У них забрали ID. Чип в шее. Всё. Для системы их больше нет. Они не могут зайти в «Питательный автомат». Не могут купить воду. Не могут получить медпомощь. Они просто... бродят. Пока не упадут.

Рекс приподнялся. Его аналитический ум, привыкший к абсолютной логике Улья, выдал критическую ошибку.

«Зачем? — его глаза сузились. — В Улья "Пустой индекс" — это "Нераспределенная биомасса". Его бы растворили. Это рационально. Зачем держать... бесполезных?»

Маруся усмехнулась. В этой усмешке не было веселья. Только усталость.

— Это называется «Мотивация», красавчик. Чтобы мы, в «Середине», видели, куда можем упасть, если начнем бастовать или просрочим платеж за «Лицензию на дыхание». Страх — лучший двигатель торговли.

Она подошла к нему ближе.

— А теперь самое сложное. То, из-за чего твой мозг, наверное, сейчас закипит.

Она достала из кармана жилета помятую пластиковую карту с логотипом TerraCorp.

— Это «Кредит».

— Обмен? — предположил Рекс.

— Хуже. Это обещание. Ты берешь «сейчас», а отдаешь «потом».

— Взять ресурс. Вернуть ресурс. Логика ясна, — его хвост слегка качнулся.

— Нет, не ясна, — Маруся села перед ним на корточки. — Смотри. Ты берешь 100 кредитов. Чтобы купить еду. Но через месяц ты должен вернуть 110.

Рекс замер. Его гребень медленно, опасно начал подниматься.
«Ошибка. Математика. Откуда 10?»

Маруся улыбнулась. Это была улыбка человека, объясняющего слепому разницу между синим и красным.

— Это «Процент». Плата за ожидание.

— Плата кому?

— Банку. Корпорации.

— За что? — в голосе Рекса прорезался вибрирующий рык. — За цифры? За обещание?

— За то, что ты не сдох с голоду сегодня, — жестко ответила она. — Но самое главное — это как ты отдаешь эти 10.

Она ткнула когтистым пальцем в грудь Рекса.

— Ты отдаешь их своим временем. Своей жизнью. Ты идешь на работу. Ты стоишь у станка. Ты продаешь свои удары сердца. Ты работаешь лишний час, чтобы отдать этот долг.

Рекс-734, Археотектоник Первого Ранга, идеальная машина логики, медленно сел. Его массивное тело поднялось, заставив вибрировать пол Собора.

Он смотрел на Марусю сверху вниз, но впервые в его взгляде не было превосходства древнего существа. Там был чистый, незамутненный, первобытный ужас.

«Вы... — вокодер зашипел, пытаясь подобрать слова. — Вы продаете... время? Время вашей жизни? За... бумагу?»

Маруся пожала плечами, снова становясь циничной уличной девчонкой.

— Ну, не за бумагу. За цифры на экране. А как иначе? Надо же что-то есть.

Рекс издал звук.

Это не был рык. Это был звук лопающегося гранита. Звук абсолютного, космического непонимания.

Он вскочил на лапы, его движения были резкими, дергаными — смесь боли и шока.

Он подошел к стене Собора и ударил по ней кулаком. Старый бетон треснул.

«В Улье... — он говорил быстро, захлебываясь статикой. — В Улье время — это функция! Ты строишь — ты живешь! Ты поешь — ты живешь! Ты не отдаешь время! Ты ЕСТЬ время! Каждый удар сердца — это вклад в Коллектив! Это... это дыхание!»

Он развернулся к Марусе. Его янтарные глаза горели в полумраке.

«Вы... вы отдаете саму суть своего существования. За... за пустоту? За цифры, которые не греют?»

Маруся смотрела на него.

Впервые за много лет, проведенных в «Кишке», где люди продавали свои почки за порцию синтетического геля, кто-то посмотрел на её мир не с отвращением, не со страхом, а с абсолютным, математическим ужасом перед его иррациональностью.

Она сглотнула.

— Добро пожаловать в Мир Обезьян, красавчик, — тихо сказала она. — У нас всё через задницу.

Терапия движением была жестокой.

Маруся знала, что если Рекс пролежит еще сутки, его мышцы начнут атрофироваться, а регенерация замедлится. Ему нужно было двигаться.

Проблема была в том, что Собор высотой в пять метров был для него тесной клеткой.

— Мы идем на улицу, — объявила Маруся, надевая респиратор и проверяя заряд шокера.

— Опасность, — мгновенно среагировал Рекс.

— Там везде опасность, чешуйчатый. Но там есть запчасти для твоего вокодера. А здесь есть только я и мой паяльник. Выбирай.

Они вышли через затопленный коллектор. Рекс шел впереди, раздвигая грудью потоки токсичной воды. Маруся шла по его спине, держась за гребень, как за поручень. Для Нижнего города это было обычное зрелище — мутанты таскали на себе всё, что движется.

Но Рекс не был мутантом.

Он был инородным телом.

Когда они выбрались на «Проспект» — широкую, но низкую улицу, зажатую между бетонными стенами, — Рекс впервые увидел «Кишку» не как набор угроз, а как систему.

Он видел «Питательные автоматы». Длинные очереди изможденных людей. Их лица были подсвечены синим светом голографических меню. Они прикладывали шеи к сканерам.

«БАЛАНС: 2 КРЕДИТА. ПОРЦИЯ ГЕЛЯ: 50 КРЕДИТОВ. ОПЛАТА: СПИСАНИЕ ОРГАНА (ПОЧКА, ЛЕВАЯ). ПОДТВЕРДИТЕ».

Человек кивал. Дрон-медик отходил в сторону, человек падал в конвульсиях, а автомат выдавал тубу серой пасты.

Рекс смотрел на это, и его аналитический модуль выдавал «Ошибка 404».

«Зачем? — транслировал он Марусе по внутренней связи. — Зачем отдавать орган за пасту? Почему не взять пасту... и всё?»

Маруся, сидевшая на его шее, вздохнула.

— Потому что, динозавр, если ты просто возьмешь пасту, приедут «Синие воротнички». Они не просто убьют тебя. Они заберут всё твоё тело по частям, чтобы продать. А так... ты сам отдаешь часть. Это «Законный долг».

Они шли дальше.

Рекс видел «Ломбарды органов». Витрины, залитые формалином. В одной плавала человеческая рука, пальцы всё ещё были украшены дешевыми кольцами. Ценник: «Рука рабочая, правая. 5000 кред. Скидка 20% при сдаче в комплекте с плечом».

Рекс остановился.

«Это... Архивариусы», — прошептал он.

— Что? — не поняла Маруся.

«В Улье. Те, кто отказался от себя. Мы храним их в янтаре. Как память. Вы... вы храните их в стекле. Как товар».

Маруся похлопала его по шее.

— Пошли, философ. Ты слишком громко думаешь, на нас пялятся.

Они свернули в узкий переулок.

Там, привалившись к стене, сидел «Пустой».

Это был старик. Его кожа была серой, покрытой язвами от кислотных дождей. У него не было AR-линз. Его глаза, мутные и слепые, смотрели в никуда.

Он не был частью системы. Он был мусором.

К нему подъехал дрон-уборщик TerraCorp. Маленькая круглая машина с логотипом компании.

«ВНИМАНИЕ. ВЫ — НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ. ВЫ ПРЕГРАЖДАЕТЕ ПУТЬ ПОТОКУ. ОСВОБОДИТЕ ПРОСТРАНСТВО».

Старик не двигался. Он даже не повернул головы.

Дрон издал предупреждающий писк и выдал короткий электрический разряд.

Тело старика дернулось. Он тихо застонал.

Рекс взревел.

Это был не боевой клич. Это был рык Археотектоника, столкнувшегося с нарушением законов физики.

Он не стал бить дрона хвостом. Он не стал рвать его когтями.

Он сделал шаг вперед и прижал дрона к стене хвостом, как муху.

Затем он аккуратно, хирургически точно, ударил кончиком хвоста по центральному процессору машины.

Раздался хлопок. Пластик брызнул во все стороны.

Дрон упал на пол грудой бесполезного металла.

Рекс повернулся к старику.

Он наклонил свою огромную голову. Его янтарные глаза оказались в сантиметрах от лица человека.

«Еда», — просто сказал он.

Маруся, спрыгнув на землю, подошла к старику. Она достала из кармана тубу с гелем.

— Держи, отец, — она вложила тубу в дрожащие руки старика.

Старик прижал её к губам. Когда гель потек в его горло, его плечи затряслись. Он заплакал. Тихо, беззвучно, как плачут те, кто давно разучился надеяться.

Рекс смотрел на это.

Его мозг, способный просчитать напряжение в тектоническом разломе за километры, сейчас пытался вычислить переменную «Слеза».

«Ошибка, — наконец выдал он. — Логика не найдена. Ситуация: Ресурс (гель) отдан субъекту с нулевой производительностью. Ожидаемый результат: Смерть обоих. Фактический результат: Влага на лице субъекта. Цель: Не определена».

Маруся подошла к нему и похлопала по морде.

— Добро пожаловать в Ад, красавчик.

Они сидели на крыше Собора.

Ночь в Нижнем городе никогда не была темной. Неон реклам «TerraCorp» окрашивал облака смога в ядовитые цвета.

Маруся сидела на краю, свесив ноги в бездну «Кишки». Рекс лежал рядом, его бок был теплым, как работающий реактор. Она прислонилась к его огромной лапе, используя её как спинку кресла.

— Знаешь, чешуйчатый, — сказала она, глядя на огни города. — Ты сейчас стоишь целое состояние.

— Состояние? — Рекс перевел на неё взгляд.

— О, да, — Маруся усмехнулась. — Ты для Бакса — не угроза. Ты — «Новый продукт». «Линейка "Мезозой"».

Она начала загибать пальцы.

— Во-первых, твоя чешуя. Это не керамит. Это что-то биологическое, но прочнее стали и легче титана. Из тебя можно нашить бронежилетов на всю армию TerraCorp.

— Во-вторых, когти. Я видела, как ты резал бетон. Это алмазное напыление на квантовом уровне. Инструмент для бурения.

— В-третьих, твой мозг. Ты слушаешь камень. Ты чувствуешь вибрацию. Для них ты — идеальный сейсмолог. Или детектор лжи.

— В-четвертых, твоя кровь. Регенерация. Вечная молодина. Бакс продаст литр твоей крови по цене космической станции.

Рекс медленно лег, положив голову на бетон.

«Коллектив... хотел мою энергию. Чтобы я строил. Праматерь хотела мой разум. Чтобы я помнил. Обезьяны... хотят мою плоть. Чтобы они... жили дольше».

— Именно, — кивнула Маруся. — Добро пожаловать в Мир Обезьян. У нас всё делится на две категории. То, что можно трахнуть. И то, что можно продать.

Она посмотрела на свои руки.

— А ты, динозавр... ты — джекпот.

Она замолчала. Ветер со стороны «Кишки» доносил запах гнили и озона.

— Поэтому, — голос Маруси стал серьезным, — нам нужно учить язык.

— Язык?

— Сленг. Если ты будешь ходить по «Кишке» и говорить, как учебник по квантовой физике, тебя прирежут за первые пять минут. Или сдадут в «TerraCorp» за премию.

Она достала кусок угля и начала писать на бетоне.

— Смотри.

«Кредит» = «Цепь».

«Работа» = «Продажа ударов сердца».

«Бакс» = «Зеленый Пожиратель» (Рекс перевел логотип через свою логику, и Марусе это понравилось).

«Свобода» = «Иллюзия выбора цепи».

Рекс смотрел на буквы. Его мозг, привыкший к фрактальным узорам, воспринимал человеческий алфавит как примитивный, но функциональный код.

— Повтори, — приказала Маруся.

— «Цепь», — прохрипел Рекс. — «Продажа... ударов сердца».

— Уже лучше. А теперь скажи мне, кто я?

Рекс посмотрел на неё. На её грязное лицо, на линзы, на руки, которые спасли его.

Он вспомнил всё, что она сделала.

Он проанализировал её действия.

Она не брала «Цепь». Она давала «Ресурс» (гель) «Пустому». Она «Продавала удары сердца» (работала хакером), чтобы не стать «Пустой».

Он наклонился к ней. Его огромная голова зависла над ней.

Он открыл пасть и издал серию скрежещущих звуков.

Затем вокодер попытался это перевести.

— «Ма'ша», — выдал динамик.

Маруся замерла.

Она смотрела в его янтарные глаза.

Она ждала рыка. Ждала приказа. Ждала анализа.

Но в его взгляде было что-то другое.

Она улыбнулась. Впервые за весь вечер это была не циничная усмешка выживальщицы, а настоящая, теплая улыбка.

— «Ма'ша»? — переспросила она. — Сойдет, динозавр.

Она откинулась назад, прислонившись к его лапе. Её глаза начали закрываться.

— Разбудишь, если увидишь дронов, — пробормотала она, проваливаясь в сон.

Рекс не двигался.

Он лежал на крыше Собора, посреди океана неона и лжи.
Его раны всё еще горели. Его мир всё еще был разрушен.
Но впервые с момента падения в вентиляционную шахту он не чувствовал себя одиноким.

Он смотрел на «Зеленого Пожирателя» в небе.
Он больше не хотел просто разбить этот мир.
Теперь он хотел понять, как в нём сломать «Цепи».

И «Ма'ша» была тем ключом, который мог открыть любой замок.

Глава 8. Ульвестник

Эпиграф: «Паразит не знает, что он паразит. Он считает, что кровь, которую он пьет — это его законный трофей за чистоту породы». — Из Манифеста Тиранны, Стих 8.

Литейные Ярусы сектора «Мантия-12» никогда не знали тишины. Здесь, в десяти километрах под уровнем Великого Смотра, Улей дышал огнем.

Температура воздуха составляла восемьдесят два градуса по Цельсию. Влажность была нулевой — любая влага, попадавшая в цеха, мгновенно испарялась, оставляя после себя лишь корку минеральных солей на стенах. Воздух был густым, маслянистым, пропитанным запахом озона и расплавленного вольфрама. Для человека это была бы камера пыток, верная смерть от термического шока в течение трех минут.

Для Археотектоника это был дом.

Тиранна стояла на подвесной платформе из армированного хитина, нависающей над главным литейным бассейном. Внизу, в гигантской чаше из черного базальта, бурлила магма. Но это была не природная лава. Это была кровь Улья — ферро-флюид, разогнанный до критических температур магнитными ловушками.

Она больше не была Стратегом Обороны в легкой броне.
Она была Ульвестником.

На её теле покоилась «Боевая сбруя». Это не была броня в человеческом понимании — не было ни кевлара, ни керамики. Это была экзоскелетная система из матового, поглощающего свет вольфрама. Пластины были подогнаны так плотно, что казались второй кожей, но весили они почти триста килограммов. На её плечах, там, где у динозавров крепились мощные гребневые пластины, теперь возвышались орудийные турели, пока дремавшие.

Её глаза, обычно тускло-янтарные, сейчас горели холодным, химическим светом. Визор, интегрированный прямо в черепную коробку, проецировал данные прямо на сетчатку.

[СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ: ОБЪЕКТ "РЕКС-734"]
[СТАТУС: ИНФИЦИРОВАН. НОСИТЕЛЬ: ОСОБОБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ (МАРУСЯ)]
[МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: ПОВЕРХНОСТЬ. СЕКТОР 13 ("КИШКА")]
[УГРОЗА: КРИТИЧЕСКАЯ. РИСК МУТАЦИИ ВИРУСА: 94.7%]

Тиранна медленно повернула голову. Позади неё, на платформе и на ярусах ниже, стояла смерть.

Двадцать Археотектоников Первого Ранга. «Чистые».

Элита Улья. Те, чьи нейронные связи считались эталонными. Те, кто ни разу в жизни не усомнился в Коллективе.

Но сейчас они не были чистыми.

На их природную, матовую чешую были напаяны листы карбида вольфрама. Это выглядело как уродливые, угловатые наросты, искажавшие их идеальные хищные силуэты. На их мордах, поверх естественных костяных пластин, были надеты тактические маски — технология, украденная у людей и адаптированная под фасеточное зрение рептилий.

Они стояли абсолютно неподвижно. В них не было жизни. В них была только функция.

— Объект «Ма'ша», — голос Тиранны, пропущенный через вокодер сбруи, звучал как скрежет планетарных плит. — Носитель. Сохранить для допроса. Изъять её «музыку».

— Объект «Рекс-734», — продолжила она, не дожидаясь подтверждения. — Вирус. Первичный носитель.

— Статус? — голос «Чистого-4» был лишен обертонов, идеально ровный.

— Вирус коснулся рака, — Тиранна посмотрела вниз, в кипящую магму. — Обезьяны — это раковая опухоль на теле Камня. Они потребляют, не строя. Они дышат ядом и называют это свободой. Если наш Еретик коснулся их, значит, их плоть теперь содержит частицу нашего Коллектива.

Она медленно подняла четырехпалую, закованную в сталь лапу.

— Это святотатство.

Она сжала кулак. Внизу, в литейном бассейне, магма на секунду застыла, повинувшись мощному электромагнитному импульсу.

— Протокол «Апокалипсис», — прошипела Тиранна. — Мы не забираем. Мы выжигаем. Сжечь всё.

«Чистые» не ответили. Они просто шагнули вперед, к краю платформы.

Удар Тиранны не был похож на удар хвостом Рекса в Главе 4.

Рекс бил как инженер, ищущий слабую точку. Тиранна была как богиня разрушения.

Она не просто ударила по завалу, перекрывавшему выход в вентиляционную шахту. Она вонзила когти в базальт и пропустила через них «Сейсмический импульс» — всю мощь геотермальных реакторов «Мантии-12».

Раздался звук, с которым трескается континент.

Завал не просто рухнул. Он перестал существовать. Миллионы тонн камня превратились в мелкую, горячую щебенку, которая с воем устремилась вниз, в коллекторы «Кишки», как адский дождь.

Тиранна шагнула в пролом.

За ней, один за другим, в дыру спустились «Чистые».

Для Рекса-734, когда он падал сюда, это было падение в неизвестность, в Геенну.

Для Тиранны это был спуск в инкубатор паразитов.

Её сенсоры взбесились.

[ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОЗДУХА: 99.9%]

[АКУСТИЧЕСКИЙ ФОН: ХАОС. 112 Децибел]

[ВИЗУАЛЬНЫЙ РЯД: ОТСУТСТВИЕ ГЕОМЕТРИИ]

Она видела «Пустых» — людей, лишенных ID, которые копались в кучах токсичного мусора. Она видела «Синих воротничков» — дронов TerraCorp, патрулирующих улицы. Она видела «Питательные автоматы», к которым тянулись очереди изможденных «Обезьян».

Её аналитический модуль, работающий на квантовой частоте, выдавал одну и ту же ошибку, снова и снова.

«Логика не найдена. Существование в деградации. Парадокс».

Они шли по «Проспекту» — широкой улице, зажатой между бетонными стенами, с которых капала химическая кислота.

Навстречу им выехал патруль.

Три броневики «TerraSec», выкрашенные в корпоративный синий. На крышах — тяжёлые пулеметы.

Из громкоговорителя на первом броневику раздался синтетический голос:

— ВНИМАНИЕ! ЗАКРЫТАЯ ЗОНА! ИДЕНТИФИЦИРУЙТЕ СЕБЯ ИЛИ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ ПО ПРОТОКОЛУ «АНТИТЕРРОР»!

Тиранна остановилась.

Она медленно повернула голову к броневику. Её вольфрамовая сбруя отразила тусклый неоновый свет рекламы «Buy one get one free».

— Вы — шум, — произнесла она в общий канал связи. — Вы — помеха. Вы — паразиты на теле Камня.

Офицер в броневику, вероятно, решил, что это какая-то странная угроза от мутантов Нижнего города. Он был обучен стрелять по целям, которые кричат и бегут.

Он не был обучен разговаривать с абсолютной, математической уверенностью в собственном превосходстве.

— Огонь на поражение! — рявкнул он.

Очередь крупнокалиберного пулемета 12.7 мм ударила Тиранну в грудь.

Звук был оглушительным. Свинцовые пули, предназначенные для пробития легкой бронетехники, ударили в вольфрамовую пластину.

Раздался визг металла.
Полетели искры.

Пуля оставила царапину.
Глубиной в полмиллиметра.

Тиранна даже не моргнула.

— [ПРОТОКОЛ: ОЧИСТКА], — бросила она через плечо.

Это не было битвой.
Это было математическим доказательством того, что SWAT — это ошибка эволюции.

«Чистый-1» шагнул вперед. Он не побежал. Он просто ударил.
Его кулак, размером с капот автомобиля, врезался в асфальт перед броневиком.
Но это был не просто удар. Это был направленный сейсмический выброс.

Асфальт не треснул. Он взорвался.
Волна сжатого камня подбросила пятитонный броневик на пять метров в воздух. Он перевернулся в полете и рухнул крышей вниз, сминая орудийную башню в лепешку.

Внутри закричали люди.

Второй «Чистый» даже не использовал когти. Он просто схватил второй броневик за бампер. Его гидравлика взвыла, но металл поддался. Он поднял машину над головой и с размаху швырнул её в фасад жилого блока. Бетон брызнул во все стороны, похоронив броневик под собой.

Третий броневик попытался сдать назад.
Тиранна сделала шаг вперед.
Она наступила на него.

Вес вольфрамовой сбрауи, помноженный на массу Археотектоника, помноженный на гравитацию планеты, создал давление в несколько тысяч тонн на квадратный сантиметр.

Броневик не смялся.
Он испарился.

Металл, композиты и плоть экипажа превратились в облачко розового пара и микроскопической металлической пыли, которая осела на чешуе Тиранны.

Она втянула воздух.
Пахло озоном и жареным мясом.
Она сочла этот запах... приемлемым.

Тиранна подошла к тому, что осталось от первого броневика. Из-под смятой крыши пытался выбраться капитан полиции. Его лицо было залито кровью, визор разбит.

Он поднял дрожащий пистолет.

Тиранна наклонилась. Её огромная тень накрыла его.

Она не стала его убивать. Не сразу.

Она протянула лапу и сорвала с его головы тактический шлем.

— Смотри, — её вокодер перевел её слова на английский, лишенный эмоций. — Паразит.

Она активировала свой визор. На внутренней стороне её забрала, а затем и на забрале шлема капитана, вспыхнула карта Мегополиса.

Красные точки. Миллионы красных точек.

— Каждый из них, — Тиранна обвела когтем город, — потребляет ресурс. Каждый из них выделяет отходы. Никто из них не строит туннели. Никто не удерживает своды.

Она ткнула когтем в грудь капитана.

— Ты тратишь кислород. Ты потребляешь воду. Ты размножаешься в этом... гнойнике. Ты — паразит.

Капитан попытался что-то сказать, прохрипеть о правах, о законе.

Тиранна не стала слушать.

Её указательный палец — тонкий, по сравнению с остальным телом, но всё же толщиной с пожарный шланг — коснулся его шеи.

Она не давила. Она просто... щелкнула.

Позвонок превратился в пыль.

Тело обмякло.

Тиранна выпрямилась. На её морде не было ни удовлетворения, ни злости. Только протокол.

Она посмотрела на небо, затянутое смогом.

— [ПОДКЛЮЧЕНИЕ: СЕТЬ "ОБЕЗЬЯН"], — скомандовала она.

Её коготь вонзился в распределительный щит на стене здания. Искры брызнули во все стороны.

Но вместо того чтобы сгореть, её сбруя синхронизировалась с городской сетью.

Тиранна взломала TerraCorp за 0.4 секунды.

На всех голографических экранах Нижнего города.

На каждом визоре AR-линз.

На каждом экране «Питательного автомата».

Лицо Тиранны.

Оно заняло всё небо. Огромная, рогатая голова, покрытая вольфрамом, глаза горят холодным пламенем.

Реклама «Зеленого Пожирателя» (Бакса) исчезла.

Голограммы полуголых женщин, продающих кредиты, исчезли.

Наступила тишина.

А затем раздался голос.

Он не был похож на голос. Это был звук землетрясения, пропущенный через динамики.

— ОБЕЗЬЯНЫ.

Маруся, сидевшая на крыше Собора с Рексом, поперхнулась синтетическим кофе.

— Мать твою... — выдохнула она. — Она здесь.

— ВЫ — ПАРАЗИТЫ, — продолжила Тиранна на безупречном английском. — ВЫ ПРОДАЕТЕ ВРЕМЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ ЗА БУМАГУ. ВЫ ОТДАЕТЕ СВОИ ОРГАНЫ ЗА ПРАВО ДЫШАТЬ СОБСТВЕННЫМ СМОГОМ. ВЫ ПОСТРОИЛИ СВОБОДУ НА ДОЛГАХ.

В «Кишке» началась паника.

«Пустые», сидевшие у стен, начали отползать, прячась в тени, словно Тиранна могла увидеть их сквозь бетон.

Люди в «Средине», смотревшие на экраны из своих капсул, начали кричать.

— МЫ — УЛЫЙ. МЫ — КАМЕНЬ. МЫ НЕ БЕРЕМ КРЕДИТЫ. МЫ ЕСТЬ ВРЕМЯ.

Тиранна сделала паузу. Она смотрела с экранов на миллионы лиц.

— ВАШ "ЗЕЛЕНый ПОЖИРАТЕЛЬ" — ЭТО ПЛЕСЕНЬ НА НАШЕМ КАМНЕ. МЫ ПРИШЛИ ОЧИСТИТЬ ДОМ.

Трансляция оборвалась.

Но семя было посажено.

В Нижнем городе, где люди привыкли бояться дронов и коллекторов, они увидели Бога. Бога из металла и ненависти, который пришел их судить.

Шпиль TerraCorp.

Элизиум.

Уоррен «Бакс» Баксман стоял у панорамного окна. Под ним, в сотнях метров внизу, бушевала паника в «Кишке». Но здесь, наверху, воздух был чистым, а в бокале плескался виски стоимостью в почку среднего жителя «Кишки».

Он не смотрел на панику.

Он смотрел на голографический экран, где застыла голова Тиранны.

— Увеличить, — бросил он.

ИИ приблизил изображение.

— Посмотри на структуру её чешуи, — Бакс ткнул пальцем в экран. — Это не просто броня. Это композит. Они напаяли вольфрам на кость. Это... это гениально. Это варварски, это примитивно, но это чертовски эффективно.

Его секретарь, бледный мужчина в идеальном костюме, дрожащим голосом произнес:

— Сэр, полиция уничтожена. Потери в «Кишке»... мы потеряли 5-й сектор.

Бакс отмахнулся.

— Это списываемые активы, Джон. Налоги покроют это. Посмотри на её лицо.

Он смотрел на Тиранну с восторгом художника, увидевшего шедевр.

— Это не зверь, Джон. Это идеальный СЕО. Никакой эмпатии. Только чистая, дистиллированная эффективность. Она убивает их не из злости. Она убивает их, потому что они — неэффективный актив.

Бакс улыбнулся.

— Запускайте «Проект: Ищейка».

— Но, сэр, «Ищейки» не завершили калибровку...

— Мне плевать! — рявкнул Бакс. — Она объявила нам войну на моем пороге. Это личное. И подготовьте мой новый продукт. Кажется, пришло время для «Мезозойской Линии». Мы продадим их страх обратно им самим.

Крыши «Кишки».

Тиранна стояла неподвижно.

Её сенсоры сканировали «музыку» камня.

Где-то там, в глубине, под слоями бетона и металла, билось сердце Рекса-734.

Но к этому ритму примешивался другой.

Человеческий.

Маруся.

Её пульс был синхронизирован с пульсом ящера.

Тиранна проанализировала данные.

«Ошибка. Симбиоз. Вирус адаптировался к носителю. Носитель адаптировался к вирусу. Уровень угрозы: Критический».

— [ОБЪЕКТЫ ЗАМЕЧЕНЫ], — доложил «Чистый-12». — [НЕБЕСА].

Тиранна подняла голову.

Сквозь облака смога, разрывая их, спускались три тени.

Они не были людьми.

Они не были дронами TerraCorp.

Это были «Архивариусы».

Но не те, спящие в янтаре, которых Рекс видел в Главе 2.

Это были «Архивариусы» версии 2.0.

TerraCorp нашла руины Предков. И они их улучшили.

Фигуры были огромными, под три метра ростом. Их чешуя была заменена на активную броню — материал, который менял плотность в зависимости от удара. Вместо левых рук — тяжелые плазменные резак. Вместо правых — магнитные гарпуны.

Их глаза горели красным светом линз TerraCorp.

Они приземлились на крышу соседнего здания с тяжелым грохотом, от которого треснул бетон.

Лидер «Ищек» шагнул вперед. Его голос, пропущенный через военный вокодер, был лишен пола и возраста.

— Стратег Тиранна. Вы нарушили Протокол Изоляции. Вы вывели Ересь на Поверхность.

Тиранна не шелохнулась.

— Вы принесли угрозу в стерильную среду, — продолжил «Ищейка». — Но вы — Ульй. Мы уважаем вашу эффективность.

Тиранна медленно склонила голову набок. Это был первый человеческий жест, который она сделала.

— Мы предлагаем сделку, — сказал «Ищейка». — Отдайте нам Вируса. И Обезьяну.

— И что хочет «Зеленый Пожиратель» взамен? — прошипела Тиранна.

— Нижний город, — ответил «Ищейка». — Он ваш. Забирайте. Выжигайте. Очищайте. ТеггаСорг оставит вас в покое. Мы просто хотим вернуть наши... инвестиции.

Тиранна молчала десять секунд. Её аналитический модуль просчитывал вероятности.

Затем она рассмеялась.

Это был сухой, лающий звук, который заставил «Ищек» поднять оружие.

— Вы — не Ульй, — сказала она. — Вы — шлюзы Обезьян. Вы продали свою породу за их металл. Вы — высшая форма паразита.

Лидер «Ищек» активировал плазменный резак. Лезвие вспыхнуло ослепительно-белым.

— Последний шанс, Стратег.

Тиранна медленно развела свои вольфрамовые руки в стороны.

Позади неё «Чистые» опустили на четыре лапы, их визоры вспыхнули красным.

— Уничтожить всё, — приказала Тиранна. — Кроме Обезьяны.

Она посмотрела прямо на Марусю, которая вжалась в крышу Собора рядом с Рексом.

— Обезьяну я заберу живой, — добавила Тиранна, и в её голосе впервые за весь день прозвучала эмоция.

Холодное, научное любопытство.

— Я хочу спросить её... каково это — быть паразитом, который приручил хищника.

«Чистые» взревели.

«Ищейки» активировали щиты.

Небо над «Кишкой» озарилось вспышками плазмы.

Война за будущее началась.

Глава 9. Золотой Телец

Эпиграф: «Если ты не можешь победить монстра, выставь его на бирже. Если монстр приносит дивиденды, он перестает быть монстром и становится "активом"». — Из выступления Уоррена Бакса перед советом директоров TerraCorp.

Шпиль TerraCorp пронзал ядовитое брюхо Мегаполиса, уходя в слои стратосферы, где воздух снова становился прозрачным, а солнце — болезненно-белым диском за фильтрами орбитальной защиты.

На высоте тысячи метров над «Кишкой» Нижнего города не было криков. Не было запаха озона от разрядов шоковых дубинок. Не было вкуса металлической пыли на зубах.

Здесь пахло деньгами.

Личный пентхаус Уоррена «Бакса» Баксмана был воплощением абсолютной, дистиллированной власти. Стены из живого дерева — редчайшего ресурса, который не рос под куполами Элизиума, а был привезен с орбитальных биосфер за цену в дюжину колониальных транспортов. Пол из черного мрамора, в котором отражался свет голографического камина, имитирующего первобытный огонь.

И тишина.

Идеальная, математически выверенная тишина, нарушаемая лишь Девятой симфонией Баха, люющей из скрытых акустических панелей с частотой, подобранной для стимуляции альфа-волн мозга.

Бакс стоял у панорамного окна, выходящего на север.

Внизу, в сотнях метров под его ногами, «Кишка» горела.

Тиранна, этот ископаемый реликт с манией величия, спустила своих «Чистых» на Нижний город. Голографические сводки, проецируемые прямо на сетчатку глаза Бакса, сообщали о падении 5-го, 8-го и 12-го секторов.

«TerraSec» отступала. Полиция Мегаполиса была уничтожена как боевая единица.

Бакс сделал глоток кофе.

Это был не просто кофе. Это были зерна, выращенные в невесомости на станции «Титан-4», политые водой, прошедшей через кольца Сатурна. Напиток, стоимость одной чашки которого превышала годовой паёк обитателя «Кишки».

Он не чувствовал страха.

Он чувствовал лишь легкое раздражение из-за падения акций TerraCorp на 4.2%.

— Гефест, — произнес он, не поворачивая головы.

Воздух перед ним замерцал. ИИ-ассистент материализовался в виде аватара — идеального человеческого силуэта, сотканного из холодного синего света.

— Слушаю, сэр.

— Дай мне запись с «Ищеек». Ту, что они прислали из «Кишки» пять минут назад. И наложи на неё аналитику эффективности.

Гефест щелкнул пальцами.

Пространство перед окном Бакса превратилось в тактический экран.

Сначала — вид на улицу «Кишки» через визор «Ищейки-1».

Затем — взрыв.

Броневи́к полиции «TerraSec» взлетел на пять метров в воздух, перевернулся в полете и рухнул крышей вниз, сминая орудийную башню в бесформенную лепешку из керами́та и разорванной плоти.

Бакс не моргнул.

Он не вздрогнул.

Он видел, как работает идеальная машина.

Тиранна не бежала. Она не пряталась. Она шла сквозь пулеметный огонь, и пули 12.7 мм высекали лишь снопы белых искр о её вольфрамовую сбрую.

Она была не зверем.

Она была «Идеальным SEO».

Никакой эмпатии. Никакой усталости. Никакой жалости к «неэффективным активам». Только чистая, дистиллированная эффективность.

— Увеличить, — бросил Бакс. — Лицо.

ИИ приблизил изображение.

Морда Тиранны, покрытая шрамами, которые она отказалась регенерировать ради «эстетики угрозы». Её янтарные глаза, горящие холодным огнем в тени тактического визора.

Бакс улыбнулся.

— Божественно, — прошептал он. — Посмотри на этот PR, Гефест. Это же «Чужие» в прямом эфире. Рейтинги наших новостных каналов в «Кишке» пробили потолок. Рекламные ставки выросли на триста процентов.

— Сэр, — голос ИИ оставался ровным, лишенным интонаций. — Объект «Тиранна» уничтожила 5-й сектор. Погибло 5000 единиц гражданского персонала. Это списываемые активы согласно пункту 4-Бета контракта, но логистика эвакуации...

— Это списываемые активы, — перебил Бакс, ставя пустую чашку на стол. Чашка мгновенно исчезла в открывшейся в столешнице панели утилизации. — Но этот динозавр... Гефест, она не просто убивает. Она презентует. Она продает свою ненависть. Это не зверь. Это харизма. Это бренд.

Он развернулся от окна.

— Отзовите полицию. Вышлите «Ищеек» в полном составе. И подготовьте мой новый продукт. Кажется, пришло время для «Мезозойской Линии».

Зал заседаний совета директоров TerraCorp парил в Элизиуме.

Здесь не было смога. Здесь был только хрусталь, белый медицинский пластик и люди, чья кожа была настолько натянута нанороботами, что казалась фарфоровой маской, скрывающей черепа.

Они кричали.

— Это катастрофа! — брызгал слюной директор по логистике, его лицо пошло красными пятнами. — Мы теряем «Кишку»! Объект «Тиранна» — это не актив, это чума! Нужно отозвать «Ищеек» и залить Нижний город нейротоксином! Полное списание!

Уоррен Бакс сидел во главе огромного овального стола. Он не слушал. Он крутил в пальцах золотую ручку — настоящую, тяжелую, из драгметалла, добытого в поясе астероидов, а не напечатанную на молекулярном принтере.

Он дал им покричать ровно три минуты.

Затем он ударил ладонью по столу.

Звук был сухим, как выстрел из рельсотрона.

— Заткнулись, — сказал он.

Тишина наступила мгновенно, физически ощутимая.

Бакс был не просто владельцем. Он был архитектором их реальности.

— Вы смотрите на экран, — он кивнул на голограмму Тиранны, всё ещё стоявшей над горящим остовом броневика, — и видите чудовищ. Вы видите «Угрозу категории Омега». Вы видите падение своих годовых бонусов.

Он встал.

Его костюм, сшитый портным, чье имя стоило дороже, чем ВВП маленькой планеты, не издал ни звука.

— А я вижу «Золотой стандарт».

Он взмахнул рукой.

Голограмма Тиранны исчезла. Вместо неё появилась анатомическая схема.

Скелет Археотектоника.

— Смотрите внимательно, — Бакс подошел к схеме и ткнул пальцем в бедренную кость. — Это не кость. Это биологический композит, прочнее нашей лучшей керамики, но при этом сохраняющий эластичность.

Он провел пальцем вдоль позвоночника.

— Здесь — резервуары для ферро-флюида. Это живой аккумулятор. Мы тратим миллиарды на литий-ионные батареи, которые взрываются от перегрева. А это... — он постучал по схеме, — ...работает на тепле ядра планеты.

Он коснулся черепа.

— А здесь... — он постучал по виску схемы. — Квантовый процессор. Способный дешифровать язык планеты.

Бакс улыбнулся своей фирменной, хищной улыбкой, которая заставляла вице-президентов просыпаться в холодном поту.

— Вы спрашиваете меня, что мы будем с ними делать?

Он нажал кнопку на пульте.

Схема сменилась. Теперь это был «Чистый» в боевой сбруе из вольфрама.

— Мы не будем их убивать, идиоты.

Он повернулся к совету. Его глаза горели лихорадочным огнем предпринимателя, нашедшего золотую жилу.

— Мы будем их монетизировать.

— Проект «Хтонь», — произнес он. — Слушайте внимательно.

Пункт первый: Питание.

Бакс вывел на экран данные о «Питательных автоматах» «Кишки».

— Смотрите. Очередь. Человек прикладывает шею. Баланс: 2 кредита. Порция геля: 50 кредитов. Оплата: Списание органа.

Он брезгливо поморщился, словно увидел таракана в своем супе.

— Это неэффективно. Мы тратим миллиарды на гидропонику, на синтезаторы белка, чтобы кормить эту плесень. А этим... — он указал на скелет динозавра. — Им не нужна наша еда. Им не нужна наша вода. Их метаболизм — геотермальный. Мы даем им доступ к «Мантии», и они едят камень. Это «Нулевая себестоимость питания».

Пункт второй: Лояльность.

Бакс прошелся вдоль стола, его шаги были абсолютно бесшумны.

— Вы боитесь их, потому что они сильные. А я люблю их, потому что они глупые.

Он усмехнулся, видя непонимание на лицах директоров.

— У них нет «Я». У них есть «Индекс». Это не личности. Это биороботы с идеальной прошивкой. Они не умеют предавать. Они не умеют требовать повышения зарплаты. Они не знают слова «Профсоюз». Они не бастуют, потому что забастовка для них — это математическая ошибка, «Вирус», который нужно удалить.

Он остановился и обвел взглядом зал.

— Это идеальные сотрудники.

Пункт третий: Репродукция.

— Нам не нужно их нанимать, — Бакс щелкнул пальцами. — Ульй сам их штампует. В промышленных масштабах. Нам не нужно строить заводы. Нам нужно просто... «Арендовать» их у Коллектива. Или забрать, когда Коллектив падет.

Он вернулся во главу стола.

— Я объявляю о создании нового подразделения. «Проект: Хтонь».

Он посмотрел на директора по безопасности.

— С этого момента мы не просто корпорация. Мы — «Дом Хтоней».

Секретный R&D комплекс «Гадес» находился на три километра ниже уровня Элизиума, вдавненный в мантию планеты.

Здесь не было хрусталя. Здесь был кафель, стерильный белый свет и запах формалина, смешанного с озоном и жженой костью.

Бакс спустился в лабораторию на личном лифте.

Ученые в стерильных белых комбинезонах замерли при его появлении, словно мыши перед котом.

В центре зала, на антигравитационном столе, лежало тело.

«Чистый».

Один из тех, кого «Ищейки» смогли достать в «Кишке» относительно целым, прежде чем Тиранна приказала сжечь всё.

Бакс подошел к столу. Он не надел маску. Он не поморщился от запаха горелого керамика и жженой плоти.

— Снимите с него эту кустарщину, — бросил он, указывая на вольфрамовые пластины, прикрученные к груди динозавра болтами.

Ученые засуетились, используя лазерные манипуляторы.

Бакс склонился над головой динозавра.

— Гефест, выведи мне анализ мышечных волокон.

«Структура сухожилий: углеродные нанотрубки, переплетенные с костной тканью. Плотность: 12 г/см³. Тяговое усилие: эквивалентно 50 тоннам на квадратный сантиметр. Скорость регенерации: 0.4 мм в минуту», — прошепестел голос ИИ прямо в ухо Баксса через нейроимплант.

Бакс провел пальцем в стерильной перчатке по обнаженной мышце «Чистого». Мышца была теплой. Даже после смерти.

— Это не зверь, — сказал он тихо, обращаясь скорее к самому себе, чем к ученым. — Это «Бионика». Это живой карбон.

Он посмотрел на главного нейрохирурга, доктора Вэнса.

— Вы боитесь их?

— Сэр, они уничтожили полк тяжелой пехоты за двенадцать минут...

— Они уничтожили неэффективный полк, — отрезал Бакс. — Посмотрите на это. — Он ткнул в висок динозавра. — Их связь. Ульй. Коллективный разум.

Бакс улыбнулся.

— Мы не будем их убивать. Мы будем их улучшать.

Он достал из кармана пиджака маленький чип — черный, матовый, размером с ноготь.

— «Ошейник», — сказал он. — Версия 1.0.

— Но, сэр... — осмелился Вэнс. — Их нейросеть... она квантовая. Она распределена. Мы не сможем просто воткнуть штекер и...

— Вы не будете взламывать, — Бакс щелкнул чипом по стеклу стола. — Вы будете договариваться.

Он подошел к голове «Чистого» и нажал на точку за ухом. Чешуя разошлась, обнажая порт данных — атрофированный, заросший кальцием, но всё ещё функциональный.

— Мы внедрим наши интерфейсы. Прямо в мозг. Мы не будем стирать их личность. Мы оставим им их «Коллектив».

Бакс наклонился так близко, что его дыхание коснулось мертвой чешуи.

— Но командный сигнал... — прошептал он. — Командный сигнал будет идти от нашего ИИ.

Он выпрямился.

— Они будут думать, что служат Камню. Что строят Ульй.

Он посмотрел на ученых, и его глаза были холоднее стали.

— А на самом деле они будут строить мою Империю.

Виртуальный конференц-зал «Проекта: Хтонь» сиял корпоративным синим светом.

Здесь не было людей. Здесь были графики. Акции. Дивиденды.

Бакс стоял перед трехмерной презентацией, парящей в воздухе. На нем был простой черный костюм, который стоил больше, чем всё вооружение полка «TerraSec».

— Линейка «Мезозой», — объявил он. Голос его транслировался в уши директоров, сидящих в своих офисах по всему миру. — Три продукта.

1. «Мезозой-М» (Му-кул — Боевая единица).

Голограмма показала «Чистого» в новой броне.

Это был не просто вольфрам. Это был сплав TerraCorp — «Титанит-Х», способный выдерживать плазму.

На спине — пусковые установки микро-ракет класса «Воздух-Земля». На лапах — встроенные плазменные резак.

— Рынок: Правительства. Картели. Частные военные компании.

— Слоган: «Геенна». Когда вам нужно сжечь планету, но вы хотите сэкономить на страховке».

2. «Мезозой-И» (Индустрия — Рабочая сила).

Голограмма сменилась.

Динозавр в огромном промышленном экзоскелете. Он держит в манипуляторах буровую установку, способную прогрызать континентальную кору.

— Рынок: Строительство. Горнодобыча. Инфраструктура.

— Слоган: «Они не устают. Они не болеют. Они не требуют страховки».

3. «Мезозой-Л» (Люкс — Питомцы).

Голограмма показала изящного, уменьшенного в размерах динозавра в гостинной роскошного пентхауса. Он играл с ребенком (голограммой). Его визоры светились розовым.

— Рынок: Эшелон «Элизиум».

— Слоган: «Статусный символ, который может откусить голову грабителю».

Бакс выключил презентацию движением руки.

Зал погрузился в полумрак.

— Это, — Бакс обвел рукой пространство, — это не просто товары. Это новый виток эволюции.

Он посмотрел на своего финансового директора.

— Запускайте «Мезозой» завтра. Акции взлетят до луны.

Он развернулся, чтобы уйти.

Но остановился.

Его взгляд упал на отдельное досье, парящее в стороне.

Фотография Маруси.

Грязное лицо, разбитые AR-линзы, дерзкая ухмылка.

Рядом — данные Рекса-734.

«Статус: Мутировавший. Носитель: Маруся. Уровень синхронизации: 98%».

Бакс прищурился.

— Гефест, — позвал он.

— Да, сэр.

— Почему Вирус мутировал? Почему он не просто сожрал её?

— Анализ... — ИИ вывел графики. — Контакт с человеческим организмом. Обмен микрофлорой. Эмоциональный резонанс. Субъект «Маруся» не имеет нейро-чипа. Её мозг работает на «сыром» электричестве. Она — аномалия.

Бакс медленно кивнул.

— Она не просто «самка», — прошептал он. — Она — «Чит».

В мире, где всё просчитано, где каждый шаг индексирован, она была ошибкой в коде. Ошибкой, которая дала Вирусу доступ к человеческому сленгу. К экономике. К эмоциям.

— Гефест, — голос Бакса стал опасно тихим, похожим на шипение змеи. — Приоритет цели изменен.

— Сэр?

— Объект «Рекс». Низкий приоритет. Если будет сопротивляться — уничтожить. Его мясо пойдет на «Мезозой-Л». Кожа — на «Мезозой-М».

— А Объект «Маруся»?

Бакс посмотрел на её фото.

— Объект «Ма'ша», — он растянул её имя, смакуя его. — Это наш главный актив. Она — ключ. Она — «Операционная система» для этого зверинца.

Он улыбнулся.

— Захватить в идеальном состоянии. Никаких повреждений. Никакого нейро-паралича. Она стоит больше, чем весь Нижний город.

Тиранна стояла на крыше небоскреба в «Кишке».

Ветер пах озоном, гарью и страхом.

Её «Чистые» зачищали периметр. Они работали как единый организм, методично уничтожая всё, что не было Ульем.

«Ищейки» Бакса только что уничтожили три её патруля, используя тактику, которой не было в протоколах Улья — они не дрались в лоб, они использовали город как оружие, загоняя динозавров в ловушки из газовых труб.

Тиранна не чувствовала злости. Она чувствовала лишь протокол «Очистка».

Внезапно её визор моргнул.

Частота её личного канала связи, зашифрованная квантовыми ключами, была перехвачена.

Вместо её собственного лица, которое она транслировала на город, на всех голограммах «Кишки» появилось другое лицо.

Уоррен Бакс.

Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу. На заднем фоне — его идеальный пентхаус, залитый светом.

— Привет, Тиранна, — сказал он, улыбаясь. — Классный PR. Но ты забыла одно правило: всё в этом мире имеет цену.

Тиранна на крыше сузила глаза.

Её вокодер зашипел, переводя рык Археотектоника на человеческий язык:

— Паразит.

— Ой, не надо этих ярлыков, — Бакс отмахнулся. — Я предлагаю сделку. Ты же любишь сделки. Ты — эффективный менеджер.

— Ты мешаешь Очистке, — прошипела Тиранна. — Ты — шум. Ты будешь стерт.

— Я предлагаю Оптимизацию, — Бакс подался вперед, его глаза сверкнули. — Ты хочешь очистить планету? Отлично. Я покупаю твой «Апокалипсис».

Он щелкнул пальцами.

— Я предлагаю сделку. Отдай мне Вируса. И его Обезьяну.

— Зачем они тебе?

— Обезьяна — это ключ к управлению. Вирус — это мускулы. Я собираю конструктор. Бакс улыбнулся еще шире.

— Взамен я поставлю тебе «Ошейники» на всю твою «Чистую» братию. Ты станешь Императрицей. А твои звери будут работать на меня.

Тиранна молчала. Её аналитический модуль работал на пределе, просчитывая вероятности.

Это была ловушка?

Это было предложение?

— Если откажешься... — тон Бакса стал жестким, лишенным корпоративной любезности. — Я просто скормлю «Ищеек» твоим детям. Я разберу их на запчасти для «Мезозоя». Бизнес есть бизнес, милая. Ничего личного.

Трансляция Бакса исчезла.

Тиранна стояла неподвижно.

Её гребень медленно опустился, прижавшись к шее.

Она посмотрела на свои лапы. Черные когти.

Затем она посмотрела на небо, где в Элизиуме, в своем теплом кабинете, смеялся Уоррен Бакс.

Она поняла одну вещь.
Бакс был страшнее её.
Она хотела убить паразитов.
Бакс хотел посадить их в клетку, заставить работать и продавать билеты на шоу.

Война за будущее только что сменила владельца.

Глава 10. Коммуналка 2.0

Эпиграф: «В мире, где всё имеет цену, единственное, что остается бесплатным — это чужая боль. Но если разделить её на всех, она становится терпимой». — Из Кодекса Мусорщиков, Стих 1.

Воздух внизу пах иначе.

После стерильной, мертвой вони литейных цехов «Мантии», после удушливого, химического смрада «Кишки», наполненного дешевым синтетическим кофе, озоном от шоковых дубинок и липким, холодным страхом, «Точка Нуля» встретила их запахом жизни.

Это был сложный, многослойный, почти осязаемый аромат. Грибная сырость, прелая листва, которую кто-то притащил с верхних, мертвых уровней города, где радиация выжгла всё живое. Сладковатый, едкий дым горящего технического спирта, который использовали вместо дров. И под всем этим — густой, соленый, мускусный запах человеческого пота, давно немых тел и нестиранной одежды, въевшейся в кожу.

Для Рекса-734, чьи нейросенсорные массивы были откалиброваны под стерильный озон Улья и сухой, обжигающий жар ядра планеты, этот воздух был физическим ударом.

[АНАЛИЗ: Загрязнение воздуха. Патогенная нагрузка: 98.6%. Угроза дыхательной системе: Критическая. Рекомендуемый протокол: Изоляция], — выдал его аналитический модуль, пытаясь классифицировать среду по протоколам безопасности.

Рекс проигнорировал предупреждение.

Он полз следом за Марусей, и его двенадцать тонн бронированной плоти, покрытой вольфрамовыми пластинами, кровью и коркой засохшей грязи, издавали скрежет, от которого с потолка падала вековая пыль.

Маруся вела их по «козьим тропам» — путям, которых не было на картах. Она ныряла в щели между лопнувшими магистральными трубами, перебиралась через реки черной, маслянистой воды по узким балкам, где «Чистые» Тиранны едва могли просунуть свои массивные головы.

— Левее, чешуйчатый, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. Её голос звучал глухо в дыхательной маске. — Там балка выдержит. Если ты провалишься, нас всех похоронит под километровым слоем дерьма, и Бакс даже тратить на похороны не будет.

Рекс зарычал. Звук был глухим, вибрирующим, он шел не из вокодера, а из самой груди, резонируя в поврежденных легких. Он аккуратно, миллиметр за миллиметром, переносил вес своего израненного тела на старую чугунную трубу, служившую мостом. Труба застонала, издав звук, похожий на крик умирающего зверя.

[АНАЛИЗ: Структурная целостность объекта "Труба-7". Коэффициент нагрузки: 0.04. Вероятность обрушения: 96%].

Но он шагнул.
Балка выдержала.

Зал «Точки Нуля» когда-то был резервуаром для очистки дождевой воды. Теперь это был собор нищеты.

Своды терялись во мраке, на высоте пятнадцати метров, и были покрыты светящимся мхом, который люди здесь называли «Светильником». Он давал тусклый, мертвенно-зеленый, пульсирующий свет, в котором лица людей казались лицами утопленников, а их глаза — пустыми впадинами.

Когда Рекс и «Чистые» Тиранны ввалились в зал, паника поднялась волной.

Люди, спавшие на кучах старого тряпья и термоизоляции, вскакивали. Дети, игравшие в сточных канавах с кусками ржавого пластика, замерли. Старики, чинившие древние серверы с помощью паяльников, работающих от батарей дронов, выронили свои примитивные инструменты.

— Хтоны! — закричал кто-то. — Иваныч, Хтоны! Блокада!

Люди схватили всё, что могло служить оружием. Куски арматуры, заточенные обрезки труб, самодельные шокеры, собранные из конденсаторов и батарей убитых «Ищеек» Бакса.

Их было человек пятьдесят. Может, сто. Они ютились здесь, в самом сердце «Кишки», там, где датчики TerraCorp сходили с ума от электромагнитных помех старых кабелей, а нейронзонды просто сгорали.

Маруся вышла вперед, подняв руки вверх.
— Стоять! Свои!

Она остановилась между своими людьми и динозаврами. Маленькая фигурка в грязном плаще из кевлара, с лицом, покрытым копотью, ссадинами и мазками какой-то белой глины.
— Это Рекс. Он со мной.

Рекс медленно выпрямился во весь свой пятиметровый рост.

Он попытался втянуть свой гребень, но тот всё еще предательски дрожал от боли и шока, упираясь в низкий потолок. Он осмотрел людей.

В Улье он видел «Индексов». В «Кишке» он видел «Паразитов» (глазами Тиранны) или «Мясо» (глазами Бакса).

Здесь он видел... людей.

Он видел женщину, которая кутала ребенка в кусок рваного термоодеяла. Ребенок заходился в кашле, его глаза лихорадочно блестели, кожа была серой. Женщина отлила ему половину густой, дымящейся жидкости из своей металлической кружки.

[АНАЛИЗ: Объект "Женщина" потребляет 0.2 литра питательного раствора. Объект "Ребенок" потребляет 0.1 литра. Суммарный ресурс: 0.3 литра. Эффективность распределения: 100%. Вероятность выживания ребенка: +15%. Вероятность выживания женщины: -20%].

Рекс замер.

Его аналитический модуль выдал критическую ошибку.

[ОШИБКА 404. Логика не найдена. Снижение собственного ресурса ради чужого без гарантии возврата. Математическое безумие. Противоречит Протоколу Эффективности].

Но он не мог оторвать глаз от этой сцены.

В Улье питательный гель распределялся по «Индексу». Ты построил — ты поел. Если ты не построил — ты стал «Пустым» и ждал Синхронизации. Всё логично. Всё чисто.

Здесь... здесь была «Ересь».

— Тихо вы, стервятники! — рявкнул мужской голос, перекрывая гул.

Из тени, от большого костра, сложенного из старых серверных стоек, выступил человек. Старый. Его лицо было похоже на топографическую карту из морщин, шрамов и натеков машинного масла. Один глаз был тусклым, человеческим, а второй — стеклянным имплантантом старой модели, который тихо жужжал, фокусируясь на гиганте.

— Я — Иваныч, — сказал он, глядя не на Рекса, а на Марусю. Его голос был хриплым, как будто он годами вдыхал пепел. — Ты притащила демонов Бакса в мой дом, девка. У тебя тридцать секунд, чтобы объяснить, почему я не должен скормить тебя грибам и спустить кислотный душ на твою зверюшку.

— У них нет чипов, Иваныч, — быстро сказала Маруся, не опуская рук. — Они не под «Ошейником». Это «Чистые» Тиранны. Сама Тиранна наверху, жжет «Кишку». Бакс спустил «Ишеек». Они идут по наши души. Нам нужно место, чтобы спрятаться, и уши, чтобы слушать их сканеры.

Иваныч прищурился. Его стеклянный глаз издал тихий щелчок, меняя спектр с видимого на тепловизионный. Он сканировал Рекса.

— Хтон. Настоящий. Не из пробирки «Мезозоя».

— Он спас мне жизнь, — просто сказала Маруся.

Иваныч долго молчал. Он переводил взгляд с огромных, покрытых вольфрамом и кровью лап Рекса на бледные, грязные лица своих людей.

— Хорошо, — наконец выдохнул он, выпуская облако пара. — Но если он хотя бы чихнет не в ту сторону, я лично спущу на него кислотный душ из третьего коллектора, и мне плевать, сколько кредитов он стоит.

Жилье здесь называлось «Казармой».

Это был бывший зал фильтрации. Вместо коек — многоярусные нары, сваренные из остовов машин, арматуры и листов пластика. Вместо потолка — переплетение труб, из которых постоянно капала вода в подставленные пластиковые контейнеры, привязанные к балкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.